

ФЕЛИКС РОБЕРТОВИЧ
ШТИЛЬМАРК

Идея абсолютной заповедности

Полки красителей - заповедного не трогай!

Киевский Эколого

Киевский Центр

Центр охраны

дикой природы

Ф.Р. Штильмарк

ИДЕЯ АБСОЛЮТНОЙ ЗАПОВЕДНОСТИ

Помни праотцов — заповедного не тронь!

Издание осуществлено
при поддержке
Фонда МакАртуров

Штильмарк Феликс Робертович

Б 33 *Идея абсолютной заповедности. Помни праотцов — заповедного не тронь!* Составитель В.Е. Борейко. — К.—М.: Киевский эколого-культурный центр, Центр охраны дикой природы, 2005, ил. — 116 с. — (Охрана дикой природы. Вып. 52)

ISBN 966–581–644–6

В книге помещены работы выдающегося российского защитника дикой природы и классика заповедного дела, доктора биологических наук Ф.Р. Штильмарка, посвященные основополагающему принципу отечественного заповедного дела — абсолютной заповедности.

ББК 74.200.51

ISBN 966–581–644–6

© Штильмарк Ф.Р., 2005
© Киевский-эколого-культурный центр, 2005
© Центр охраны дикой природы, 2005

Оглавление

А. Зименко. Очевидность абсолютной заповедности. Предисловие	4
В. Борейко. О Ф.Р. Штильмарке и этой книге (От составителя)	8
В. Борейко. Идея абсолютной заповедности. Перечитывая Г.А. Кожевникова и Ф.Р. Штильмарка. (От составителя)	12
Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)	19
Определение и смысл заповедности	40
Эволюция представлений о заповедности	42
Абсолютная заповедность — как высшая форма экологической этики	44
Абсолютная заповедность — последний оплот реальной охраны дикой природы	48
Заповедное в загоне	51
Где закон — там и неправда	58
Принципы заповедности и развитие системы биосферных заповедников	64
Природные заповедники России как социально-общественный феномен	69
Один из классиков отечественного охотоведения и заповедного дела	79
Мысли об абсолютной заповедности	83
Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле	92
Как феникс из пепла	96
Не перейти грань!	103
Нет экотуризму в заповедниках	106
«Помни праотцов — заповедного не тронь!»	108

Очевидность абсолютной заповедности

Предисловие

*Что имеем — не храним;
потерявши — плачем.
Козьма Прутков*

Об очевидном писать сложно. Ведь, казалось бы, и так все и всем ясно...

Еще со школьно-кружковских времен необходимость строгой заповедности, ее суть и достоинства представлялись нам (группе юннатов — энтузиастов полевых выездов в окрестности заповедников и на их научные стационары) настолько однозначными, естественными и само собой разумеющимися, что и добавить к этой простой и известной истине было просто нечего.

Сохранение природы выгодно, в том числе — экономически. Это не самое очевидное для неспециалистов заключение многократно доказано. Оно становится понятно все большему числу людей именно сегодня, когда на борьбу с последствиями распространяющихся по всему свету стихийных бедствий, вызванных глобальными изменениями климата, расходуются огромные средства. Нетрудно также понять, что при нынешних темпах разрушения живой оболочки Земли финансовые и материальные затраты на поддержание приемлемых для человека условий существования уже в обозримом будущем многократно возрастут.

Выгодно не только сохранять природные сообщества, но и восстанавливать нарушенные, несмотря на дороговизну таких мероприятий. И это тоже очевидно. Хотя для многих россиян откровением, вероятно, станет тот факт, что в Европе уже не один год восстанавливают неразумно уничтоженные в свое время естественные сообщества, стремясь воспроизвести не просто лесные массивы, не только ландшафтный облик той или иной

местности, но до деталей воссоздать ее изначальные природные особенности (вплоть до прихотливых меандров ручьев). В США замахнулись, казалось бы, на невозможное — избавить островные экосистемы от крыс, проникших туда с помощью человека десятки и сотни лет назад. Ради восстановления естественного природного состояния этих островов вкладывают немалые средства, и не только потому, что страна богатая.

Очевидно, что для эффективного сохранения природных сообществ необходимо применять разумное сочетание различных методов. Многообразие проявлений живой природы и форм природопользования, обеспечивающее устойчивость биосферы и человечества к всевозможным неблагоприятным факторам и катаклизмам, требует разнообразных направлений, методов и технологий охраны природы. Сформулировав концепцию строгой заповедности и воплотив ее в системе российских заповедников, Россия обогатила мировую природоохранную теорию и практику.

Сегодня без развитой системы охраняемых природных территорий (ОПТ) полноценное сохранение природного наследия невозможно. Разве это не очевидно?! Однако российские природоохранные хроники последних лет свидетельствуют об обратном — о полном непонимании властями этих и других стратегически важных экологических проблем, о преступном пренебрежении и равнодушии к ним.

Очевидно и то, что ОПТ должны быть разными: по статусу, задачам, режиму охраны, системе управления. Попытки втиснуть их в чрезмерно узкие формализованные правовые рамки несостоятельны. В таких случаях говорят о слабости законодательства, скромно умалчивая, что, на самом деле, оно просто не соответствует богатству и разнообразию реальной жизни. Не менее ущербна практика нивелирования смысловых особенностей разных типов ОПТ, когда, к примеру, биосферные резерваты практически приравнивают к заповедникам, а заповедники заставляют следовать по пути развития национальных парков, используя лукавую аргументацию о недостатке средств и необходимости их зарабатывать.

Недальновидность экономии на заповедниках и, в целом, на сохранении живой природы также очевидна. Благодаря еще относительно обширным природным участкам, сохранившимся в естественном состоянии, благодаря системе охраняемых природных территорий разного ранга и статуса Северная Евразия оказалась в несколько более выгодном положении перед лицом

Ф.Р. Штильмарк у себя дома с американским историком
Дугласом Уинером, 2001 г.

стремительно надвигающегося климатического кризиса. «Экологический щит» достался нам практически бесплатно, поскольку те бюджетные крохи, которые выделялись на развитие заповедников и других ОПТ, на природоохранные программы и мероприятия, сложно воспринимать всерьез. Казалось бы, пора оценить этот драгоценный дар по достоинству, но российские правители упорно не желают отказываться от мнимой, а по сути расточительной экономии.

Заповедники — «генофонд» природы казахской, российской, украинской... Простая и понятная истина, и как всякая иная известная истина, она очевидна. Можно ли измерить привычными для нас мерками ценность генофонда человечества или, скажем, коллекции Н. И. Вавилова — генофонда культурных растений мира, многие из которых уже не существуют в природных условиях? Вправе ли мы бездумно лишать наших потомков будущего, не признавая очевидную необходимость сохранения эталонов живой природы в ее пусть относительно целостном, но все еще

диком состоянии? В чем тогда смысл существования человека, если не в заботе о благополучии своего рода? Проблема абсолютной заповедности, таким образом, лежит в плоскости морали, нравственности и этики, к чему естественным образом пришел в своих размышлениях Ф. Р. Штильмарк.

Не менее очевидно, что заповедники стран бывшего Советского Союза — это не только наше природное наследие, но еще и общенациональное культурное достояние (всемирно, кстати говоря, признанное), о чем проникновенно говорит автор публикуемых в сборнике статей. Достояние, сохраненное бескорыстным трудом нескольких поколений блестящих ученых и практиков, чей энтузиазм и преданность заповедному делу порой достойны школьных учебников.

Наконец, совершенно очевидна актуальность и востребованность практического воплощения концепции строгой заповедности. Любому из нас ясно, что медицина, опирающаяся исключительно на наблюдения патологоанатомов, немыслима. Так и эталоны естественных, т. е. ненарушенных или малонарушенных экосистем жизненно необходимы человечеству. Вслед за Россией международное сообщество приступило к реализации этого нехитрого принципа путем создания всемирной сети биосферных резерватов, заповедные ядра которых по функциям и режиму охраны очень близки российским заповедникам в классическом их понимании.

Можно было бы и продолжить перечень аргументов в пользу абсолютной заповедности. Но стоит ли, ведь все и так очевидно. Правильнее перечитать классику: «Глубочайшая по своей духовной силе и научной значимости идея строгой заповедности, то есть полного прекращения прямого воздействия человека на природные комплексы, которая всегда теплилась и сохраняется в наше время как некий подземный огонь в пластах торфа под снегом, возродится заново, будет признана наукой, получит общественное признание и войдет в практику отечественных заповедников». Так Ф. Р. Штильмарк подвел итог размышлений о строгой заповедности в одной из своих последних статей. Лучше не скажешь...

АЛЕКСЕЙ ЗИМЕНКО,
генеральный директор Центра охраны дикой природы

Владимир Борейко

О Ф.Р. Штильмарке и этой книге

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Феликс Робертович Штильмарк (02.09.1931—31.01.2005) является выдающимся российским защитником дикой природы и современным классиком заповедного дела.

Делу защиты дикой природы, практике и развитию теории заповедного дела была посвящена вся его жизнь. Он принимал участие в организации около 20 заповедников и нескольких республиканских заказников (причем не только в России, но и в Украине — добившись создания Карадагского заповедника), всегда с необыкновенной смелостью и упорством отстаивал попавшие в беду заповедники (вспомним ту же Асканию-Нову, после посещения которой попал в больницу с сердечным приступом). Защите дикой природы (БАМа, Сибири, Байкала) и заповедников посвящен практически весь его писательский труд (около 10 книг и более 200 научных, научно-популярных и публицистических статей в различных газетах, журналах, книгах и сборниках), исследовательская работа как ученого-биолога, а также обширные исторические изыскания. Многие его работы, особенно последнего периода (1985—2005 гг.) являлись философичными, демонстрируя необычайно высокий взлет мысли автора. В своих трудах он посягнул на многие до сих пор всем нам казавшиеся незыблемыми истины, доказав их неоднозначность и несоответствие действительности. Так, Ф.Р. Штильмарк, одним из первых, вместе с американским историком природоохраны Д. Уинером и нижегородским философом В.А. Кутыревым подверг сомнению теорию «ноосферы» академика В.И. Вернадского, назвав ее утопичной. Действительно, зачем вмешиваться в дела Всевышнего (природы), если свои дела делать не умеем?

Еще острее критиковал Феликс Робертович воззрения некоторых современных экологов, ошибочно полагавших, что охрана природы и рациональное природопользование суть одинаковые вещи. «На самом деле охрана (природы — В.Б.) начинается лишь там, где она прочно и реально не содействует, а противостоит природопользованию, вот в чем главное».

«Как можно одновременно охранять яблоко и откусывать от него?» — неуставал вопрошать своих оппонентов Феликс Робертович. Любое использование природы, любое хозяйствование есть

Ф.Р. Штильмарк, 1976 г.

уже ее уродование, вне зависимости от того, рациональное оно или нет. Весь вопрос в степени и скорости уничтожения дикой природы. Так твердо считал Ф.Р. Штильмарк. Кстати, Феликс Робертович нередко сетовал на то, что наши «заповедники постепенно становятся звеном системы природопользования, а не природоохраны... Это — горестный вывод!» Ведь по своей первоначальной сути они должны создаваться только для охраны дикой природы, а отнюдь не для природопользования.

Но самой главной заслугой Ф.Р. Штильмарка является философско-экологическое обоснование принципа абсолютной заповедности как базовой идеи отечественного заповедного дела, которую в упрощенном варианте можно выразить как «отойди и никогда ничего не трогай» (см. статью В. Борейко «Идея абсолютной заповедности. Перечитывая Г.А. Кожевникова и Ф.Р. Штильмарка» в этой книге).

К идее абсолютной заповедности Ф.Р. Штильмарк подошел в начале 1980-х годов (интересно, что в совместной монографии с Н.Ф. Реймерсом «Особо охраняемые природные территории»,

изданной в 1978 г., о ней ничего не сказано). Первые научные статьи об абсолютной заповедности были опубликованы им лишь в начале 1980-х годов. Вначале он рассматривал идею абсолютной заповедности с экологических, а в 1990-х уже и с этических, философских позиций, написав несколько статей для «Гуманитарного экологического журнала».

В середине 2004 г. Феликс Робертович обратился ко мне с предложением, чтобы Киевский эколого-культурный центр издал небольшой сборник его научных работ по этой теме. Я горячо поддержал предложение, и мы решили сразу после его выздоровления начать работу над этой книгой. К сожалению, жизнь внесла свои печальные коррективы, и мне приходится довершить эту работу самому. С помощью вдовы Феликса Робертови-

*Ф.Р. Штильмарк
с любимой
западносибирской
лайкой Айкой,
1998 г.*

ча — Надежды Константиновны Носковой и моего старого товарища Алексея Зименко, генерального директора Центра охраны дикой природы, мы отобрали наиболее значимые статьи ученого по абсолютной заповедности. Многие из них были опубликованы в малоизвестных научных сборниках и практически не ведомы даже специалистам.

Следует отметить, что идея абсолютной заповедности Г.А. Кожевникова и Ф.Р. Штильмарка во все времена вызывала яростное сопротивление не только со стороны хозяйственников, чиновников, но даже некоторых природоохранников, привыкших на все смотреть с позиции экономической выгоды. Поэтому, как мне часто жаловался Феликс Робертович, статьи по абсолютной заповедности ему очень редко удавалось пропихнуть в центральные издательства, ибо они выглядели чуть ли ни диссидентскими, ибо расходились с официальной политикой «рационального использования природных богатств в целях удовлетворения все возрастающих материальных потребностей советского народа», и постоянно «зарезались» рецензентами. Не ко двору со своей идеей абсолютной заповедности пришелся Ф.Р. Штильмарк и в новую эпоху «рыночных отношений».

Дело учеников — завершить начатое учителем. В этой книге публикуются лучшие работы доктора биологических наук Феликса Робертовича Штильмарка, посвященные разработке концепции абсолютной заповедности, и помещенные на протяжении последних 25 лет в «Гуманитарном экологическом журнале», «Природе и человек», «Охране дикой природы», различных научных сборниках, нескольких книгах, автореферате диссертации и газете «Зеленый мир».

Мы уверены, что в этой книжке очень нуждаются деятели заповедного дела России, Украины, других бывших советских республик, где еще остались заповедники.

Мы полагаем, что эта книга Ф.Р. Штильмарка должна быть переведена и на английский язык, дабы познакомить зарубежных специалистов с уникальным подходом российских ученых и обогатить мировую практику заповедного дела. Нельзя больше мириться с положением, когда гениальные разработки российских классиков заповедного дела остаются неизвестными и не востребованными за рубежом. Будем надеяться, что лед наконец-то тронется.

Владимир Борейко

Идея абсолютной заповедности.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ Г.А. КОЖЕВНИКОВА И Ф.Р. ШТИЛЬМАРКА
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*Не надо вмешиваться в дела
Всевышнего, особенно если свои
дела делать не умеем.*
Ф. ШТИЛЬМАРК

Идея абсолютной заповедности (полной, строгой неприкосновенности) — равнозначна другим великим гуманистическим идеям человечества: идее свободы, равенства и братства, идее демократии, идее равнозначности прав природы и человека.

Идея абсолютной заповедности — это чисто русская научно-этическая концепция, краеугольный камень отечественного заповедного дела. В зарубежных подходах к заповедному делу она отсутствует. Ф.Р. Штильмарк пишет: «Необходимо подчеркнуть, что именно российской науке целиком и полностью принадлежит приоритет в теории научного заповедания. Ни одна страна в мире не создала заповедников на принципе полного невмешательства человека в природные процессы с предоставлением самой природе определенных возможностей для самотворчества... Здесь надо видеть не только глубинный научный смысл, но и высокий морально-этический аспект. Характерно, что практичные американцы, создав очень хорошо организованную систему национальных парков, резерватов и даже территорий дикой природы...не смогли выделить участков абсолютной заповедности» (1).

У истоков концепции абсолютной заповедности стоял видный российский ученый, пионер охраны природы, профессор-зоолог

Московского университета Григорий Александрович Кожевников. Примерная дата рождения этой концепции — 1907–1908 годы, ибо именно в 1907 г. он посетил США и Германию, где познакомился с американской идеей национальных парков и немецкой идеей небольших памятников природы. Тем не менее, Кожевников не стал адептом ни американской, ни немецкой моделей заповедного дела. Американские национальные парки не понравились ему своим креном в организацию мест паломничества туристов, а небольшие по территории немецкие памятники природы, расположенные среди культурного ландшафта, грустно представлялись ему как памятники природе (12). Поэтому в 1908 г. им впервые, как русская альтернативная идея заповедного дела, был предложен принцип полной неприкосновенности дикой природы на больших по площади территориях, объявленных заповедниками. Этот принцип звучал следующим образом: «Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь (в заповедниках — В.Б.) недопустимы...Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе...» (2) «По отношению к фауне», — указывал он, — «в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных» (2). Более того «даже обычное право научного коллектирования не должно применяться к этим участкам так широко, как оно вообще применяется» (3).

«По отношению к флоре необходимо отменить прорубование просек, подчистку леса, даже сенокос и уж, конечно, всякие посевы и посадки» (2). Позже, в 1918 г. он добавил еще одно, очень существенное, — что такая заповедная площадь объявляется «неприкосновенной навсегда» (4).

Г.А. Кожевников

Таким образом идея абсолютной заповедности получила как пространственное, так и временное измерение. В дальнейшем принцип абсолютной заповедности развил и активно популяризировался другим видным российским ученым — д.б.н. Ф.Р. Штильмарком.

Так, Ф.Р. Штильмарк писал: «Этот важнейший и основополагающий для подлинной заповедности принцип заключается в том, что на территории заповедников люди не должны вмешиваться в естественный ход природных процессов, они как бы добровольно отстраняются от всякого управления, совершенствования, улучшения, по возможности сокращая до минимума любые формы своего влияния на природу (косвенные влияния, такие как глобальное загрязнение или тепловое воздействие на атмосферу в заповедниках устранить пока невозможно, речь идет прежде всего о прямых и непосредственных вмешательствах)» (5).

Исходя из взглядов Г.А. Кожевникова и Ф.Р. Штильмарка можно дать следующее определение термину «абсолютная заповедность».

АБСОЛЮТНАЯ ЗАПОВЕДНОСТЬ (полная неприкосновенность) — это идеальный режим для существования дикой природы, развития эволюционных и экологических процессов, осуществляемый в современном мире при помощи заповедания. В заповедном деле полная неприкосновенность предполагает прекращение навсегда не только любой хозяйственной деятельности, но и любого прямого и непосредственного вмешательства человека в ход природных процессов на определенной заповедной природной территории в целях защиты права дикой природы на существование, процветание и свободу.

И как справедливо полагал Ф.Р. Штильмарк, абсолютная заповедность «чаще всего не есть достигаемая цель, а только направление движения» (6).

По Ф.Р. Штильмарку абсолютная заповедность — это «последний оплот реальной охраны дикой природы» и «высшая форма экологической этики» (7,8). Нельзя не согласиться с Ф.Р. Штильмарком и в том, что абсолютная заповедность достигается только в тех охраняемых объектах, которые являются владельцами своей заповедной территории, «то есть имеют право землепользователя» (9). Реорганизация природных заповедников в биосферные заповедники при современном при-

И.И. Шишкин. Бурелом. 1888

родоохранном законодательстве, по мнению Ф.Р. Штильмарка, является бомбой замедленного действия под заповедность. Как свидетельствует печальная история Дунайского биосферного заповедника (созданного на базе обыкновенного заповедника), у хозяйственников появляется при реорганизации обычного заповедника в биосферный возможность нужного им перезонирования территории биосферного заповедника, переводя заповедную зону в зону антропогенных ландшафтов и начав хозяйственное использование территории.

Смысл абсолютной заповедности по Г.А. Кожевникову и Ф.Р. Штильмарку состоит в том, чтобы предоставить дикой природе право самоуправления, возможность идти своим путем, развиваться по собственному замыслу, на века защитить свободу и автономию дикой природы.

Идея абсолютной заповедности, при помощи соблюдения экоэтических принципов заповедного дела: «не вмешивайся», «природа знает лучше», «не навреди», «соблюдай права природы», «заповедай навсегда» призывает стремиться в конкретном заповеднике к полному невмешательству (как идеалу) в дикую природу на бесконечно длительное время. Другими словами, идея абсолютной заповедности состоит в том, чтобы:

- 1) в заповедниках были созданы условия как можно более полного невмешательства в дикую природу;
- 2) такие заповедники создавались навсегда.

Еще проще всю идею абсолютного заповедания можно выразить следующей фразой «отойди и никогда ничего не трогай».

«С такой точки зрения, — пишет Ф.Р. Штильмарк, — нельзя трагически смотреть на свежие гари, возникшие от сухих гроз, на леса, поврежденные насекомыми или копытными, на недостаток кормовой базы для отдельных животных и т.д.» (10). По его мнению, абсолютно заповедные участки должны составлять в заповедниках «в среднем до 90% территории» (10).

В таких местах должно быть ограничено даже проведение научных исследований.

«Возможно, что на них допустимы через определенные промежутки времени научные наблюдения, проводимые при условии минимального вмешательства и беспокойства, но в принципе они могут производиться при помощи самописцев, особых приборов, авианаблюдений и т.д.» (10). В местах абсолютной заповедности должны быть также запрещены любые экопросветительские мероприятия и ограничено влияние службы охраны заповедника.

По мнению Ф.Р. Штильмарка, концепция абсолютной заповедности имеет несколько составляющих.

1. Научная (эталонная).

«Теория заповедности с биологических позиций опирается на представление об экологическом равновесии и способности живой природы к самоорганизации, если человек не оказывает на нее прямого воздействия. Отсюда и представления о природном эталоне, о пресловутом «принципе невмешательства», о заповедании первозданных («девственных») участков природы, принимаемых за точку отсчета при хозяйственных преобразованиях (тот же принцип провозглашался и Докучаевым), — замечал Ф.Р. Штильмарк (1).

2. Этическая.

По мнению Ф.Р. Штильмарка, глубинный смысл понятия абсолютной заповедности наиболее полно отвечает этическому типу отношения людей к окружающему миру, когда «человек ощущает этот мир и свое бытие в нем как благо, относится к нему с любовью, без желания что-либо изменить или исправить» (1).

Кроме этого, по нашему мнению, концепция абсолютной заповедности имеет еще глубокий экологический, культурный и даже религиозный смысл. Так, например, даосизм настаивает на праве дикой природы развиваться по своим законам, идти своим путем и важнейшим своим принципом в отношении дикой природы провозглашает недеяние.

Нет сомнения, что радикальная идея никак не вмешиваться в дикую заповедную природу и никак (совершенно никак!) ее не использовать во благо человека, в нашем корыстном и меркантильном обществе, развращенном идеологией «рыночных отношений», будет вызывать яростное непонимание и сопротивление (по большому счету, концепция абсолютной заповедности еще более радикальная идея человеческой мысли, нежели идеи Пейна, Маркса и Мао, идеи о социальном равенстве и рае на Земле).

Но тем не менее Ф.Р. Штильмарк оптимистически смотрел в будущее: «Глубочайшая по своей духовной силе и научной значимости идея строгой заповедности, то есть полного прекращения прямого воздействия человека на природные комплексы, которая всегда теплилась и сохраняется в наше время как некий подземный огонь в пластах торфа под снегом, возродится заново, будет признана наукой, получит общественное признание и войдет в практику отечественных заповедников» (11).

Какие же меры могут быть предложены по развитию и популяризации идеи абсолютной заповедности? Сам Ф.Р. Штильмарк наметил две: «Первостепенной задачей в настоящее время является официальное юридическое признание главных принципов подлинной заповедности, внесения их в законодательные акты, в государственные стандарты и другие документы. Следующим этапом, возможным лишь при коренном организационно-правовом изменении заповедного дела, явится внедрение этих принципов в практику деятельности наших заповедников» (10).

По нашему мнению, к этим мерам можно добавить еще следующие: подготовка кадров заповедного дела, ориентированных на отечественные принципы заповедности; популяризация идеи абсолютной заповедности за рубежом; дальнейшее развитие концепции абсолютной заповедности, проведение по этой теме научных конференций и чтений.

Ф.Р. Штильмарк был совестью нашего заповедного дела. Он постоянно возвращал нас к классическим принципам заповедности. Они могут быть сформулированы следующим образом:

1. В заповедниках полностью запрещается любая хозяйственная деятельность, что и называется заповедностью. Частичное ограничение хозяйственного использования природной территории не может называться заповедностью.

2. Заповедники создаются навечно.

3. Юридической базой заповедности является право заповедника на землепользование.

4. Полное ограничение не только хозяйственного использования природной территории, но и всякого прямого вмешательства человека в природные процессы называется абсолютной (полной) заповедностью. В заповедниках должны выделяться участки абсолютной заповедности, а весь менеджмент заповедника направлен в сторону абсолютной заповедности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штильмарк Ф.Р., 1996. Историография российских заповедников (1895–1995). — М.: Логата. — 340 с.
2. Кожевников Г.А., 1997. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле, сост. В.Борейко. — К.: КЭКЦ. — С. 81–91.
3. Кожевников Г.А., 1911. О заповедных участках // Труды Второго Всероссийского съезда охотников в Москве. — М.

4. Кожевников Г.А., 1999. Охрана природы в разных странах в связи с вопросом о постановке этого дела в России // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле, сост. В. Борейко, издание 2-е дополн. — К.: КЭКЦ. — С. 243–255.

5. Штильмарк Ф.Р., 1992. Где закон — там и неправда // Зеленый мир. — № 15–16. — С. 12.

6. Штильмарк Ф.Р., 1999. Таинство заповедания (к обсуждению идеологии заповедного дела) // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 1, в. 1. — С. 35–46.

7. Штильмарк Ф.Р., 2001. Абсолютная заповедность — последний оплот реальной охраны дикой природы // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 3, спецвыпуск. — С. 111–113.

8. Штильмарк Ф.Р., 2001. Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 3, спецвыпуск. — С. 127–128.

9. Штильмарк Ф.Р., 2001. От старых кедров к бессмертию человечества. — М.: МНЭПУ. — 265 с.

10. Штильмарк Ф.Р., 1999. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты) // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 1, в. 1. — С. 46–52.

11. «Дон Кихот» заповедного дела, 2005 // Заповедные острова. — № 2. — С. 7.

12. Стручков А.Ю. 1995. К столетию российских заповедников: слово о Григории Александровиче Кожевникове (1866–1933) // ВИЕТ. — № 4. — С. 106–112.

Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)*

Последние годы характеризуются определенным подъемом заповедного дела в нашей стране**. Несколько ускорились темпы развития сети заповедников (в 10-й пятилетке в СССР создано около 30 новых заповедников и общее их количество переросло показатель 1951 года, когда перед реорганизацией их было 120).

На 1 июля 1980 г. в стране было 128 заповедников, семь заповедно-охотничьих хозяйств и шесть национальных парков. В 1977—1979 гг. опубликовано несколько научных монографий сборников, посвященных заповедникам (Куражковский, 1977; Реймерс и Штильмарк, 1978; «Опыт работы и задачи заповедников СССР», 1979 и др.). В 1979 году впервые в стране создан Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела МСХ СССР. Особое значение имеет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов», которым предусмотрена разработка типовых положений о заповедниках и других особо охраняемых природных территориях («Правда», 6 января 1979 г.).

Тем не менее сохраняются многие трудности в работе действующих заповедников и на пути их развития. Это, прежде всего, структурная и организационная неупорядоченность, отсутствие единых, устоявшихся взглядов на задачи и цели заповедников, различные и порой противоречивые представления о за-

*Опубликовано: Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. Сборник научных трудов. — М.: ЦНИЛ Главхоты РСФСР, 1981. — С. 60–76.

**Термин «заповедное дело» получил распространение, начиная с середины 50-х годов, чему способствовало, в частности, издание Бюллетеня «Охрана природы и заповедное дело в СССР» (АН СССР, 1956–1960 гг.).

поведном режиме, даже о самом термине «заповедность». Действующее законодательство содержит определение заповедника как территории, изъятой из хозяйственного использования в научных или культурно-просветительных целях, но даже в специальной литературе понятие заповедности трактуется весьма и весьма широко. Так, например, специалист в области природоохранного права В.Г. Емельянова пишет в специальном пособии: «Заповедание природы производится у нас в различных формах (заповедники, заказники, памятники природы). В интересах охраны природы и организации отдыха трудящихся предполагается создать в нашей стране сеть таких заповедных территорий как национальные парки» (Емельянова, 1971, стр. 4). О. К. Гусев (1969) также намечает несколько форм заповедания территорий, в том числе такие как «заповедники — акклиматизационные парки» и «заповедники — национальные парки», т. е. предназначенные для непосредственного хозяйственного использования. В недавно изданном учебном пособии по охране природы для студентов (Гусев, Петров, 1979) под «заповедной охраной природы», «заповедным режимом охраны природы» подразумеваются самые различные формы ограничения воздействия человека на природу (заказники, зеленые зоны, курорты и т. д.). «Степень заповедности — пишут авторы — устанавливается законодательством в зависимости от формы, избранной для природного комплекса. Так, для заповедников установлен полный запрет на все виды деятельности... Заказники имеют запрет на эксплуатацию одного или нескольких объектов природы... Национальные, природные парки, лесопарки, курорты сочетают в своем режиме хозяйственные запреты с разрешением использования среды для отдыха, экскурсий, туризма» (Гусев и Петров, 1979, стр. 30–31).

Столь же широкая трактовка термина заповедности была вложена в понятие о «природно-заповедном фонде» (Рашек, 1975), получившее довольно широкое распространение*. Согласно этим представлениям, в особый фонд выделяются не территории (земли), а объекты. В официально утвержденном республиканском стандарте Украинской ССР устанавливается разделение «заповедных объектов» по всем «заповедным категориям»: заповедники, заказники, заповедно-охотничьи хозяйства, природные пар-

*Хотя проект Союзного Положения «О природно-заповедном фонде» не был принят, некоторые республики, например, Киргизская ССР ввели это понятие в республиканское законодательство.

ки, памятники природы и парки — памятники садово-паркового искусства («Порядок согласования, утверждения и государственной регистрации заповедных объектов». РСТ УССР 1974-76, Киев, 1977). В соответствии с такой классификацией на карте «Природные заповедные объекты Украинской ССР» (М., 1977) указано свыше 3100 «заповедных объектов», хотя фактически на Украине имеются лишь 10 небольших заповедников и 4 заповедно-охотничьих хозяйства.

Принятый в 1976 г. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» установил возможность учреждения историко-культурных заповедников, что не учитывается природоохранным законодательством, понимающим под заповедниками лишь природные объекты*. Все это приводит к смешению понятий, вольному обращению с терминологией, нивелирует представления о природоохранных объектах разного режима и в конечном счете грозит полной деградацией самого понятия заповедности.

С нашей точки зрения (Реймерс и Штильмарк, 1978), термин «заповедность» или «заповедный» (объект, режим, территория и т. д.) несет на себе весьма высокую и ответственную нагрузку и не может использоваться столь широко и произвольно, как это принято в настоящее время.

Заповедность означает прежде всего прекращение всех видов и форм утилитарного хозяйственного использования территории, включая пребывание людей, за исключением сугубо научных целей**. Заповедность обеспечивается специальными законодательными и правовыми мерами, она неизбежно связана с изъятием и отводом земель, без чего невозможно даже представить себе никаких «заповедных объектов». Поэтому совершенно неправомерно отнесение к «заповедным территориям заказников, национальных и природных парков (не говоря уже о лесопарках и курортах), памятников природы, всевозможных музеев в природе и т. д. Все это может быть отнесено лишь к разновидностям охраняемых, но не заповедных природных территорий. Грозящая утрата исконного смысла термина «заповедность» заставляет нас обратиться к историческому и литератур-

*При разработке типовых положений комиссией АН СССР рассматривались только природные заповедники, хотя в тексте постановления правительства говорится о «государственных заповедниках».

**Это относится, конечно, к природным, а не к историко-культурным заповедникам, «заповедность» которых весьма условна.

ному анализу с тем, чтобы более обстоятельно аргументировать эту точку зрения.

Как известно, одним из первых инициаторов создания наших заповедников был профессор В. В. Докучаев (Докучаев, 1895, см. также Насимович, 1974, 1979 и др.). Известнейший почвовед, работавший непосредственно над практическими нуждами земледелия, ставил вопрос не только об освоении и преобразовании целинных степей, но и о заповедании степных участков.

«Вековой опыт народов и государств и простой, но здравый смысл... свидетельствуют, что только то прочно и устойчиво, только то и жизненно, только то и имеет будущее, что сделано в согласии с природой» (Докучаев, 1895). Ученый призывал сохранить оригинальный степной мир для потомства не только с познавательными целями или ради спасения редких животных, но «для понимания степи», «для овладения ее силами», т. е. и с научными, и с практическими целями. С большой горечью приходится констатировать, что этот призыв остался по сути не воплощенным в жизнь — во всяком случае на территории РСФСР степных заповедников не имеется*.

Идея сбережения именно девственных, не тронутых человеком участков с тем, чтобы проводить научные наблюдения вне сферы хозяйственной деятельности, явилась краеугольным камнем нашего заповедного дела. Именно отсюда возник принцип невмешательства, особенно четко сформулированный в начале XX века проф. Г.А. Кожевниковым. «Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова... Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы... Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты» (Кожевников, 1909). Несколько позднее им же было введено в науку понятие о заповедниках как эталонах природы, «которых не будет касаться рука человека» (Кожевников, 1928).

Принцип неприкосновенности заповедных участков получил конкретное юридическое воплощение в широко известном ленинском декрете СНК от 16.IX.1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков». Именно в то время сложилось представление о заповедании как ограждении при-

*Разработанный в 1979 году проект степного заповедника в Ростовской области признан Ростовским облисполкомом «преждевременным».

родных участков «от всякого вмешательства в жизнь природы со стороны человека» (Подъяпольский, 1929). Еще более четко сформулировано понятие заповедности в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1921 г. «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение» («Декреты...», 1929). «Участки природы..., представляющие особую научную или культурно-историческую ценность, подлежат охране или с ограничением их использования или с оставлением в неприкосновенном виде. С этой целью им может быть присвоена заповедность». Именно последняя формулировка определяет сущность заповедности: заповедано то, что оставлено в неприкосновенности.

В первом типовом положении о заповедниках, состоящих в ведении Наркомпроса (Декреты..., 1929), статья 1-ая давала вполне четкое определение заповедников. «Заповедниками признаются участки земельной или водной площади, которые навсегда подлежат оставлению в неприкосновенном виде... Вследствие этого естественное состояние полного заповедника не может быть нарушаемо воздействием человека на природу».

В 1930 году постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» (журнал «Охрана природы», 1930, № 6, стр. 150–152) задачи заповедников были несколько изменены, однако, формулировка об их неприкосновенности сохранилась («Заповедниками называются участки природы или отдельные ее произведения, объявляемые неприкосновенными» — статья 5). Но это было последнее упоминание в официальных документах о неприкосновенности заповедников от вмешательства человека. Этот принцип вскоре был подвергнут резкой критике и фактически предан забвению (Макаров, 1935 и др.). «Прежний взгляд на заповедники как на неприкосновенные участки никто не будет отстаивать как практически ложный и политически вредный» — писал Е. Л. Марков (Марков, 1934, стр. 134).

Увлечение реконструкцией и преобразованием фауны, использованием заповедников как мест для акклиматизационных экспериментов и дичеразведения сейчас рассматривается как отход от научных принципов заповедного дела (Насимович, 1974, 1979; Филонов, 1975, 1977а и др.). Однако «преобразовательская» позиция оказала заметное влияние, последствия ее сказываются до настоящего времени. Следует сказать,

А.М. Васнецов. Тайга на Урале. Синяя гора. 1891

что ее разделяли не только практики, но и некоторые видные ученые. Так, например, проф. И.Н. Барабаш-Никифоров и А.Н. Формозов в учебном пособии «Териология» (М., 1963) писали о том, что в заповедниках так же, как и в охотничьих хозяйствах, намечаются и проверяются «пути направленного воздействия на млекопитающих» путем применения различных биотехнических мероприятий; закладки солонцов, развесок гнездовых и т.д.

В период деятельности специальных ведомств по управлению заповедниками РСФСР (1933–1951 гг.) официальные положения о заповедниках были приняты в 1933, 1940 и 1944 гг. В этих документах заповедниками признавались «определенные, имеющие особую хозяйственную, научную и культурную ценность участки природы, хозяйственное использование которых запрещается или ограничивается в целях сохранения от грозящей порчи или уничтожения» (Макаров, 1940). Круг задач заповедников заметно расширился, среди них указывалась необходимость выявления новых сырьевых ресурсов, проведения учетных и акклиматизационных работ, организации туризма. С разрешения Главного управления допускалось поль-

зование природными ресурсами заповедника — сбор грибов и ягод, ловля рыбы, широко практиковался отстрел и отлов животных для научных коллекций. Именно в этот период сложилась в заповедниках сложная ситуация, при которой им вменялись в обязанности взаимоисключающие задачи. В заповедниках по-прежнему запрещалось нарушение естественного состояния природных комплексов, но вместе с тем, главной их задачей ставилось увеличение численности полезных животных, количественного и качественного обогащения территории заповедников новыми представителями фауны и растительности путем завоза «как из других мест СССР, так и чужеземных» (Макаров, 1940, стр. 6). Именно в этот период возникло и развилось представление о «заповедном хозяйстве» (Архипов, 1938; Макаров, 1940 и др.). Сюда вкладывались понятия об управлении заповедными объектами, соотношении элементов «заповедного фонда», режиме заповедности, управлении деятельностью заповедника и т. д.

По мнению С.С. Архипова, заповедники призваны выполнять активную народнохозяйственную функцию, не имеющую ничего общего с «созерцательным» отношением к заповедному фонду. Конечно, это в принципе верно, и заповедание вовсе не исключает важных народнохозяйственных функций охраняемых участков, но нельзя совмещать несовместимое — заповедники и хозяйство. Против установок на активное воздействие и преобразование природных комплексов заповедников выступали такие видные ученые как В.В. Алехин, В.Н. Сукачев, В.Г. Гейтнер, Н.А. Прозоровский, В.Н. Скалон и др., но их обвиняли в поддержке «фетиша неприкосновенности», «созерцательности», «пассивности», попытке противодействовать решению злободневных хозяйственных задач и т. д.

Реорганизация заповедного дела, предпринятая в 1950–1954 гг. явилась прямым следствием и развитием такого направления. При этом ранее выступавший против «фетиша неприкосновенности» В. Н. Макаров выглядел уже сам как сторонник этого принципа. Сменивший в 1950 году К.М. Шведчикова на посту начальника Главного управления по заповедникам при Совете Министров РСФСР лесовод А.В. Малиновский был ярким поборником преобразовательски-хозяйственных тенденций. «Требуется решительный переход от заповедности вообще к заповедному хозяйству... Нужно хозяйничать, а не просто наблюдать», — говорил он, в частности, на заседании Научного Совета Главка 21 мая 1951 г.*. Повестка дня включала именно обсуждение

принципов заповедности и заповедного хозяйства. Один из членов Совета, проф. П.А. Мантейфель говорил, что обычно под заповедностью понимают невмешательство в природу, но замена этого представления «заповедным хозяйством» позволяет «упростить те споры, которые всегда возникают при вопросе о том, как должны работать заповедники»**. Само понятие заповедности отстало от жизни, природу надо переделывать, а не оберегать от воздействия человека — таково (безусловно в духе времени) было заключение Совета. В резолюции предлагалось «пересмотреть положение о заповедниках в сторону ведения сознательного активного хозяйства»***.

А.В. Малиновский в своих довольно многочисленных выступлениях того времени неоднократно выдвигал правильный в принципе довод о том, что охрана природы осуществляется в нашей стране всей системой народного хозяйства, однако, нельзя согласиться с тем, будто бы из этого вытекает возможность отказа от государственных и общественных органов по охране природы (в свое время А.В. Малиновский настаивал на ликвидации Всероссийского общества охраны природы, где возглавляет теперь секцию охраны леса).

Многие авторы, так же как и А.В. Малиновский, отмечают, что людям надо хозяйствовать на земле, а не просто наблюдать, что «жить — значит преобразовывать» (Гусев, 1975) и т. п. Но такие представления требуют одной оговорки — они не касаются именно заповедников, поскольку на этих относительно ничтожных по размеру участках «хозяйничать» должна только природа, а не люди, в распоряжении которых остается достаточное количество земель, помимо заповедных. Однако и А.В. Малиновский (1953), и многие другие авторы, неизменно ссылающиеся на принцип единства охраны и рационального использования природных ресурсов, не учитывают одного первостепенного момента: даже верные принципы не сразу воплощаются в жизнь. Охрана природы, безусловно, осуществляется в процессе ее использования, но отнюдь не всегда это может происходить само собой, и государству приходится прибегать к определенным мерам принуждения, чтобы обеспечить сбережение природных ресурсов, предотвратить их уничтожение,

*Фонды ЦГА РСФСР, ф. 358, оп. 2, ед. хр. 1036, л. 6

**ЦГА РСФСР, там же, л. 6.

***Там же, л. 118.

преодолеть объективные противоречия между товарным производством и охраной природы ради более отвлеченных целей (в интересах будущих поколений). Если бы все было иначе, то в нашей стране давно не было бы ни браконьерства, о котором так много и часто сообщает наша печать, ни многих других видов правонарушений.

Охраняемые природные территории, в частности, заповедники как раз и являются одним из наглядных проявлений принудительных мер государства по охране природы. И нет ничего удивительного в том, что в период отказа от принципов подлинной заповедности, в момент замены ее «заповедным хозяйством» территории заповедников страны сократились почти в 10 раз, а количество их уменьшилось со 120 до 40. В 1952 году было утверждено новое Положение «О государственных заповедниках СССР», которое формально может считаться действующим, хотя оно безусловно отстало от жизни и в большой мере не применяется на практике. В этом документе заповедниками признавались участки земли, имеющие особую ценность, природные богатства которых используются для научно-исследовательской работы в практических интересах народного хозяйства. Задачами заповедников являлись сохранение и обогащение флоры и фауны, изучение ценных в хозяйственном отношении видов животных и растений, охрана лесов и проведение лесохозяйственных мероприятий, содействие научным исследованиям, практике студентов и туризму. Заповедникам разрешалось регулирование численности животных, сбор плодов, ягод, грибов, ловля рыбы, заготовка семян и выделение земельных участков для своих нужд. Этот документ, направленный во все союзные республики, по существу, превратил заповедники в хозяйства особого типа. Не менее наглядным проявлением подобных тенденций явилось преобразование ряда старейших заповедников, в частности, Крымского, Азово-Сивашского и Беловежской Пущи в заповедно-охотничьи хозяйства, получившее особое развитие в УССР. По своему нынешнему режиму их следует называть не «заповедно-охотничьими», а «лесо-охотничьими» или «спецохотничьими» хозяйствами. Само по себе сочетание слов «заповедность» и «хозяйство» неправомерно даже юридически. Многочисленные попытки научной общественности вернуть заповедный статус этим хозяйствам успеха пока не имели.

Результаты влияния хозяйственных тенденций в заповедниках еще не оценены в полной мере. Один из старейших специалистов отечественного заповедного дела, доктор географических

наук А.А. Насимович характеризует их следующим образом: «Регуляционные мероприятия почти во всех заповедниках, где они проводились или проводятся, были начаты чисто эмпирическим путем и до сих пор, как правило, не имеют под собой надежной научной базы в виде специальных исследований, обоснований и т. п... Некоторые из этих мероприятий, как, например, отстрел различного рода копытных, рубки ухода и т. и. сильно скомпрометированы администрацией или даже главками заповедников, заинтересованными не столько в регуляции численности и ликвидации очагов размножения стволовых вредителей, сколько в получении мяса, деловой и другой древесины, устройстве охот для чиновников, переводе заповедников на частичную или полную самоокупаемость и т. п. (Насимович, 1974, стр. 118). Не менее критически оценивает применение лесохозяйственных и лесопатологических мероприятий в заповедниках А. М. Краснитский (1975, 1979). Только для степных и некоторых луговых фитоценозов в заповедниках учеными в отдельных случаях признана необходимость периодического вмешательства (выкашивания) для поддержания динамики фитоценозов и предотвращения нежелательных сукцессий (Семенова-Тян-Шанская, 1977; Гребенщиков, 1979).

В конце 50-х годов взгляды на заповедники заметно изменились в сторону признания их эталонами природы, а не экспериментальными «заповедными» хозяйствами. Этому, в частности, весьма содействовали республиканские законы об охране природы, где давались иные, более близкие к классическим, определения заповедности. Так, в Законе РСФСР «Об охране природы в РСФСР», принятом в 1960 году, говорилось, что территории государственных заповедников «навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях» (ст. 9-я). Согласно «Основам земельного законодательства Союза ССР и союзных республик», утвержденным в 1968 году, «всякая деятельность, нарушающая природные комплексы заповедников или угрожающая сохранению природных объектов, имеющих особую научную или культурную ценность, запрещается как на территории заповедников, так и в пределах устанавливаемых вокруг заповедников охраняемых зон» (ст. 40-я).

Постановление Совета Министров СССР от 10.VI.1961 г. № 521 (Сборник..., 1978) обязало Советы Министров союзных республик разработать и утвердить новые положения о государственных заповедниках. В 1962 году Совет Министров РСФСР

утвердил ныне действующее «Положение о государственных заповедниках РСФСР, находящихся в ведении Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР» («Сборник...», 1978). Этот документ значительно улучшен по сравнению с союзным «Положением» 1951 года. Однако, наряду с хорошими общими формулировками, соответствующими текстам законов об охране природы, в «Положении» заложен ряд пунктов, предопределяющих отход от классических понятий заповедности. Это — разрешение регуляции численности животных, проведение биотехнических и противопожарных мероприятий, санитарных рубок, борьбы с вредителями, уничтожение волков, содействие экскурсиям и туризму. Правда, в документе имеется специальный пункт о том, что в заповедниках могут выделяться участки, «на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы» (ст. 11-я) своего рода дань классикам! Однако тут же сделана оговорка о том, что в больших заповедниках общая площадь таких участков не должна превышать 10% их территории. На практике в ряде заповедников стали выделяться зоны так называемой «абсолютной заповедности», а также зоны ограниченного заповедного режима и участки хозяйственного назначения.

Организационная неупорядоченность заповедников, большое число ведомств ими управляющих, различие в толковании принципов заповедности усиливают противоречивость и разночтение тех или иных формулировок, включаемых в республиканские или ведомственные положения о заповедниках*. Хотя союзное законодательство («Основы земельного законодательства») запрещает нарушение природных комплексов, однако не только из научной литературы, но даже из многочисленных газетных публикаций широко известно о порой массовых нарушениях заповедного режима. Такие явления как пастьба скота, ловля рыбы, рубки леса, нерегулируемый туризм, охота отнюдь не представляют редкости. Как пишет, например, газета «Лесная промышленность» в номере от 14 июня 1980 г., рубка леса в Полесском

*Помимо вышеуказанного «Положения о заповедниках Главохоты РСФСР», утвержденного Советом Министров РСФСР, имеются положения о заповедниках внутри отдельных ведомств (МСХ СССР, АН СССР и др.), а также индивидуальные положения о каждом отдельном заповеднике. Все это увеличивает противоречивость тех или иных формулировок и приложение их к отдельным заповедникам.

заповеднике (УССР) в несколько раз превышает уровень, допустимый для обычных лесхозов. Никакая научная работа там не ведется. Можно напомнить также выступление газеты «Правда» об отстреле зубров в Кавказском заповеднике*. Таких примеров немало.

Даже непосредственно самим заповедникам в процессе научной или хозяйственной деятельности «случается» нарушать природные комплексы при проведении тех или иных мероприятий. Большие нарушения вносятся в природу заповедников при проведении лесоустройства, прокладке просек, дорог, трансектов, закладке пробных площадей. В ряде случаев есть основания говорить о том, что численность редких животных сокращается под влиянием факторов беспокойства, оказываемого непосредственно работниками заповедников. Исключений из режима заповедности порой так много, что трудно рассматривать их как исключения. Например, временное типовое положение о заповедниках системы МСХ СССР разрешает санитарные рубки, отловы животных для мечения и расселения, а также отстрел в научных целях, возведение построек, проведение топографических и геодезических работ, сенокошение, сбор грибов, орехов и ягод для личных нужд. В положении предусмотрена возможность выделения «участков особого режима», где исключается всякая деятельность человека, т.е. вводится собственно заповедность. Она рассматривается, видимо, как некий «особый режим».

Безусловно, имеются научные доводы против повсеместного слепого использования принципа невмешательства в заповедниках. Многие экологи, в частности Ю.А. Исаков, рассматривают его (данный принцип) как один из возможных факторов деградации природных комплексов в заповедниках. «Принцип полного невмешательства в жизнь природных комплексов заповедников во многих случаях перестал оправдывать себя. Становится необходимым применение активных мер для управления природными комплексами, таких как: регулирование численности диких копытных, сохранение исходного типа растительности целинных степей, природных комплексов речных дельт и т. д.» (В.В. Криницкий, К.П. Митрюшкин и Ю.А. Исаков, 1976, стр. 57). Иногда понятие об абсолютной заповедности рассматривается даже как «мощный фактор вмешательства человека в природу».

*Газета «Правда» от 13.XII.1979 г.

И.И. Шишкин. Лесное кладбище. 1893

ду» (Козло, 1977). «Человек в заповеднике не должен быть пассивным зрителем, пустившим на самотек развитие природных явлений», — пишет О.С. Гребенщиков (1979), отчасти перекликаясь с тезисом А. В. Малиновского о том, что в заповедниках нужно активно хозяйствовать, а не просто наблюдать. Экологов более всего тревожит возможность разрушения или обеднения наиболее ценных, с их точки зрения, природных комплексов и объектов, выпадение из ценозов редких видов, замена их нежелательными, но более активными «вселенцами» извне. Действительно, будучи в большинстве случаев лишь небольшими клочками весьма относительно сохраненной природы среди огромных преобразованных человеком пространств, заповедники, предоставленные сами себе, рискуют утратить не только качества эталонности, но и своей ценности как резерватов флоры и фауны. Реальность такой угрозы невозможно оспаривать, однако, неверно, с нашей точки зрения, подменять понятие эталона природы признаками красоты и обилия.

Многие экологи не учитывают условность представлений о неприкосновенности заповедников. Они не могут быть уже ни при каких обстоятельствах и никакими усилиями изолированы от влияния деятельности человека, ставшей, как известно, реальной «геологической силой». Человек оказывает химическое, радиационное, промышленное воздействие на любые участки планеты. Многие виды загрязнения окружающей природной среды сказываются в глобальных масштабах и безусловно затрагивают заповедные участки, так же как и последствия крупных гидростроительных или мелиоративно-осушительных работ. Да и весь климат планеты сейчас испытывает антропогенное воздействие (Будыко, 1977; Никитин и Новиков, 1980 и др.).

Тем не менее прибегать к специальным вмешательствам в заповедниках сплошь и рядом означает (по образному выражению Н.Ф. Реймерса) «гнуть стрелку барометра в желаемую сторону». Суть и цель заповедности не в том, чтобы сохранить все богатства, все разнообразие живой природы (это цель всей системы особо охраняемых природных территорий), а прежде всего — в сохранении самой возможности сравнивать освоенные территории с нетронутыми. В ряде случаев, когда на чаше весов поставлена судьба уникальных объектов и грозит исчезновение невозполнимого природного фонда, возникает необходимость отказа от заповедности с допущением того или иного хозяйственного вмешательства, но тогда это будет уже не заповедник в класси-

ческом понимании, а иная категория охраняемых участков (резерват генофонда, заказник и т. д.). По существу именно такой путь предлагается, например, в одной из последних работ А.А. Насимовича (1979) для Хоперского заповедника. В целях сохранения выхухоли рекомендуется, в частности, «разработка и осуществление инженерно-гидротехнических и других мероприятий», подобно тому, что планируется и делается сейчас в Астраханском заповеднике. Действительно, в условиях зарегулированной волжской дельты без специальных мер обречены на гибель ценнейшие гнездовья птиц, нерестилища рыбы и т. д. Невмешательство только ради принципа стоило бы обществу слишком больших потерь.

Но такие примеры нельзя возводить в правило и делать из них широкие заключения. Биологам порой трудно наблюдать и регистрировать превращения богатых прежде природных эталонов в разрушающиеся и беднеющие экосистемы («эталон деградации», как выразился на одном из совещаний В. В. Крицкий). Однако же в условиях глобальных антропогенных изменений именно такой может стать со временем одна из главных функций заповедников. Недопустимо и ненужно заменять правила исключениями. Заповедность присваивается для того, чтобы человек не вмешивался в ход природных процессов непосредственно на территории заповедника (отчасти — в пределах охранных зон). Оградить же заповедники от всякого вмешательства, конечно, невозможно. К тому же влияние чисто природных и антропогенных факторов нередко выражается совместно. Каспий мелеет и сам по себе, и под влиянием хозяйственной деятельности. Вполне правомерно представление о роли прикаспийских заповедников в том, чтобы вести наблюдения за всеми изменениями природы на одном и том же месте, даже если вместо былых джунглей и плавней образовались соляные пустыни. В штатах заповедника герпетологи сменяют ихтиологов, сократится число орнитологов и ботаников, но непреходящая ценность стационарных наблюдений не будет утрачена. Резерват же ради сохранения ценных животных может кочевать вслед за Каспием.

Отнюдь не во всех случаях наступает резкая и необратимая деградация природных сообществ, гораздо чаще (как например, в пресловутых случаях угнетения копытными лесных угодий) она может быть частичной, временной, неполной, а то и мнимой, особенно, если учесть кратковременность и беглость наших наблюдений. У природных сукцессий иные мерки времени. Очевид-

но, в принципе идеалом заповедной природы являются сбалансированные климаксовые сообщества, но даже и в них может нарушаться естественное равновесие, происходят многовековые смены биогеоценозов, наблюдаемые нами лишь на отдельных этапах. С такой точки зрения нельзя трагически смотреть на свежие гари, возникшие от сухих гроз, на леса, поврежденные насекомыми или копытными, на недостаток кормовой базы для отдельных животных и т. д. Зато недопустимость любых рубок, регуляций, истребления хищников и «вредителей» несомненна уже потому, что отказ от заповедности принесет ущерб науке, лишит ее важнейшего источника информации. Нельзя забывать и о том, что наши ведущие биологи, в частности Г.Ф. Морозов неоднократно указывали на то, что в природе нет «полезных» или «вредных» животных. Понятия о вреде и пользе животных носят чисто хозяйственную трактовку, совершенно неуместную для заповедников. Недаром академик ВАСХНИЛ Д. Брежнев, выступая недавно в защиту заповедников (газета «Правда» от 5 июня 1980 г.), отмечал, что положение о заповедниках должно предусматривать их автономию, исключаящую какое бы то ни было хозяйственное вмешательство в жизнь охраняемых биогеоценозов. Особое возражение автора, кстати, вызывает именно сенокосение, признаваемое в ряде заповедников системы МСХ СССР.

В связи с этим первостепенное значение приобретает официальное оформление заповедного статуса, конкретное определение заповедности. Выше говорилось о том, что только в Положении о заповедниках Главохоты РСФСР ныне предусматривается выделение участков, в пределах которых не допускается никакого вмешательства человека в жизнь природных комплексов. Многие экологи возражают против разделения территории заповедников на участки различного режима, утверждая при этом, что «весь заповедник должен быть заповедником». Но на практике единого строгого режима для всей территории заповедника не удавалось выдержать никогда и нигде. Определенное разумное зонирование неизбежно и даже оправдано для всех категорий охраняемых природных объектов, включая и заповедники. Всегда приходится выделять в них какие-то участки ограниченного пользования для нужд самого заповедника, проведения научных исследований и т. д. Другое дело, что размер абсолютно заповедной неприкосновенной (даже для науки) площади должен составлять не 10%, а гораздо больше, в среднем, до 90% территории. Возможно, что на них допустимы через определенные промежут-

ки времени научные наблюдения, проводимые при условии минимального вмешательства и беспокойства, но в принципе они могут производиться при помощи самописцев, особых приборов, авианаблюдений и т. д. (этот вопрос очень сложен и требует еще детальных разработок).

В целом можно констатировать, что классические принципы отечественного заповедного дела в настоящее время уступают свое место идеям регуляции и управления популяциями диких животных. Но это ни в коем случае не означает, что сама по себе идея невмешательства в заповедную природу окончательно потерпела крах и отвергнута жизнью. Дело в том, что мы не можем достоверно судить об этом принципе, потому что он по существу остался невоплощенным и непроверенным, такая проверка требует длительных сроков.

Весьма показательно, что в практике мировой науки главный отечественный принцип заповедного дела — принцип неприкосновенности заповедников — все же получил признание. Это наглядно подтверждает «Многоязычный словарь терминов по охране природы (1976), в составлении которого принимали участие и научные сотрудники ЦЛОП МСХ СССР (ныне ВНИИ Природа МСХ СССР). В разделе «Охраняемые объекты» приводятся два термина в отношении заповедников. «Полный заповедник определяется как охраняемый участок природы, на котором полностью исключено любое вмешательство человека, кроме строго контролируемых научных исследований, не оказывающих влияния на охраняемые объекты» (стр. 80). С некоторыми оговорками можно признать, что такое определение соответствует классическим принципам заповедности. Оговорки касаются проведения научных исследований, которые очень часто связаны с непосредственными и порою весьма существенными вмешательствами (закладка пробных площадей, отлов и отстрел животных в научных целях, маркирование, сбор гербариев, обнажение корней системы растений, почвенные пробы и др. Конечно, эти нарушения значительно меньше тех, которые производятся в заповедниках при лесоустройстве, противопожарной охране, при заповедно-режимных мероприятиях, различных «обустройствах» с закладкой дорог, просек, трансектов и т.п., но все-таки даже простое хождение (а еще чаще — езда) по территории заповедника его многочисленных работников уже само по себе является значительным фактором беспокойства.

Вторая категория заповедников по данной терминологии — «заповедник направленного режима: охраняемый участок при-

роды, для сохранения которого в желаемом состоянии требуется особое вмешательство человека» (там же). Это в настоящее время соответствует, пожалуй, подавляющему большинству, если не всем нашим заповедникам.

В отличие от предельно ясного и недвусмысленного принципа неприкосновенности (полной заповедности) данная формулировка характеризуется возможностью самых разнообразных разночтений. Что, собственно говоря, означает «сохранение в желаемом состоянии»? В желаемом для кого? Ботаники и зоологи, не говоря уже о профилях и специализациях этих ученых, администраторы и работники ведомств могут иметь всевозможные представления о «желательности» состояния природы заповедников и способах достижения этого. К тому же здесь неизбежно скажутся привходящие обстоятельства организационного, финансового, наконец, просто субъективного характера. Поэтому, не отвергая термин «заповедник направленного режима» (поскольку это в ряде случаев необходимая реальность), требуется дать для него более четкое определение, исходя из конкретных задач и направлений деятельности таких заповедников (Реймерс и Штильмарк, 1978).

Н.Ф. Реймерс (1979) недавно предпринял попытку дать развернутое и весьма детализированное определение разных категорий заповедников (к сожалению, автор не включил в свой словарь термин «заповедность»). «Полным заповедником» Н. Ф. Реймерс называет особо охраняемые природные территории, изъятые из какого бы то ни было традиционного использования и предназначенные исключительно для сохранения информационных ресурсов (включая генетическую информацию) для научных целей. К заповедникам направленного режима (управляемым резерватам) автор относит «полный» заповедник (раз «направленного режима» значит уже не «полный», Ф.Ш.), не представляющий естественно саморегулирующейся экологической системы, или такой, в котором направление развития природы не соответствует нормам, признанным целесообразными, а потому требующий проведения определенных мероприятий по поддержанию оптимальных условий для отдельных видов».

Это определение, по нашему мнению, также нельзя считать достаточно удачным ни по форме, ни по смыслу, поскольку оно допускает разные толкования и чересчур усложненно. То же касается формулировок в статьях «Биосферный заповедник». «Эталонный заповедник», и некоторых других, (безусловно, правильным можно признать положение из статьи «Заповедник», где ав-

тор пишет, что заповедником в узком смысле следует называть лишь полный (абсолютный) заповедник, куда запрещен вход посетителям. Все же формы охраняемых территорий, предназначенные для посещения, необходимо называть разного рода парками. Можно считать, что на сегодняшний день жизнь уже разрешила спор между теми, кто пытался провести идею о национальных и природных парках как разновидностях заповедников, и противниками таких представлений. Даже официальные типовые положения в настоящее время готовятся отдельно по заповедникам и национальным (природным) паркам, а в большинстве заповедников по существу прекращен организованный туризм. Видимо, правильнее говорить о категориях охраняемых природных объектов, а не пытаться классифицировать вместе заповедники, парки, акклиматизационные сады, питомники и т.д. (Гусев. 1972).

Нельзя забывать о том, что стремление к использованию заповедников в практических целях, в частности, для туризма и рекреации остается весьма и весьма значительным. Так, председатель Центрального Совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС А.Х. Абуков в книге «Туризм сегодня и завтра» (1978) пишет о необходимости «хорошо продумать и организовать посещения заповедных мест» (стр. 190). «Теоретическую» базу под это подводит Е. А. Котляров (1978), поместивший в своей книге специальный раздел «Рекреационное использование заповедников и заказников». Автор не видит разницы между национальными парками и заповедниками, которые по его мнению «весьма заманчивы для организации туризма» (стр. 197).

Итак, хотя понятие о подлинной заповедности (неприкосновенности заповедников) официально признано мировой наукой, оно не может пока пробить себе дорогу в практику наших заповедников. Мы видим в этом существенный недостаток заповедного дела на современном этапе, который является самым суровым наследием недавней стратегии натиска на природу, призывов о ее полном преобразовании и т.д. Содействуют такому положению упрощенно воспринимаемые экологами представления о мнимом единстве охраны и рационального использования природы. Дело в том, что существенные противоречия между использованием и охраной природы пока неизбежны. Это убедительно показано, в частности, в труде О.С. Колбасова (1976) др.

В условиях, когда в заповедниках еще не могут быть реализованы принципы неприкосновенности, следует более осторожно относиться к созданию новых резерватов в удаленных и малообжитых территориях страны. Разумеется, сейчас трудно найти

такие районы, где на природу не оказывали бы влияние люди, даже если они не живут здесь постоянно (экспедиции, туристы, и т.д.). Но нужно учитывать уровень, частоту и степень факторов беспокойства. Браконьеры могут проплыть на лодке по дальней речке 1–2 раза в год, а моторки с работниками охраны или учетчиками плавают по заповедным речкам постоянно. Авиачеты особенно, если они проводятся на бреющем полёте, несомненно оказывают неблагоприятное действие на животных. Так, например, копытные звери бегут по глубокому насту, что может вызвать у них пневмонию (одна из возможных причин гибели нескольких овцебыков на острове Врангеля!), птицы слетают с кладок, теряя потомство и т.д. К сожалению, этот вопрос совершенно не затронут в литературе.

Более того, как это ни парадоксально, даже при «заповедно-режимных», противопожарных и некоторых научных мероприятиях в заповедниках природе может быть причинен значительно больший ущерб, чем в результате редкого и нерегулярного браконьерства в отдаленных местностях*.

На этом фоне значительно возрастает природоохранная и научно информационная (потенциально!) роль неосвоенных и отдаленных территорий, в частности, в Арктике, в зонах тайги и тундры, поскольку степень фактического воздействия антропогенного фактора там может быть даже ниже по сравнению с действующими заповедниками. Кстати, в ряде стран участки сохранившейся «примитивной» или «дикой» природы рассматриваются как особая форма охраняемых природных территории (Snyder, 1976; Стоилов, 1979 и др.). Было бы целесообразно осуществить, как это ранее рекомендовалось (Зыков, Нухимовская, 1979 и др.), резервирование таких участков для создания там абсолютных заповедников в будущем. Заповедание в современном представлении может в отдельных случаях привести к развитию факторов беспокойства и усилить уровень антропогенного воздействия на природные комплексы.

Первостепенной задачей в настоящее время является офици-

*Особенно опасным оказывается использование в заповедниках механизированной техники (вездеходов, тракторов и т. д.); к сожалению, насыщенность ею службы охраны рассматривается как достижение, хотя в принципе она должна применяться лишь в исключительных случаях. Такие средства передвижения как велосипеды, лошади, олени и собачьи упряжки гораздо предпочтительнее для заповедников по сравнению с разного рода машинами. Гусеничный же транспорт вообще не допустим.

А.М. Васнецов. Северный край. Сибирская река. 1898

альное юридическое признание главных принципов подлинной заповедности, внесения их в законодательные акты, в государственные стандарты и другие документы. Следующим этапом, возможным лишь при коренном организационно-правовом изменении заповедного дела, явится внедрение этих принципов в практику деятельности наших заповедников. В конечном торжестве этих принципов над хозяйственно-прагматическими приемами не может быть никаких сомнений.

Определение и смысл заповедности*

Термины ЗАПОВЕДНОСТЬ, ЗАПОВЕДНЫЙ И ЗАПОВЕДАНИЕ используются очень широко, но их смысл по-разному трактуется даже специалистами. В последние годы явно преобладает тенденция подменить понятием «заповедных территорий» гораздо более широкое представление об особо охраняемых природных объектах. В отдельных союзных республиках под заповедными территориями или объектами подразумеваются не только государственные заповедники, но и заповедно-охотничьи хозяйства, заказники, памятники природы и даже парки-памятники садово-паркового искусства, которые по существу не могут считаться природными (также как ботанические сады и зоологические парки). Многие авторы (В.В. Петров, С.М. Стойко, А.К. Ющенко и др.) понимают под заповеданием как прекращение, так и ограничение хозяйственной деятельности на определенных участках, территориях.

Традиционное и современное юридическое значение термина ЗАПОВЕДНОСТЬ означает совсем не частичное или даже существенное ограничение, а полное прекращение всякого хозяйственного использования природного объекта или комплекса. Заповедность учреждается в целях обеспечения неприкосновенности природных объектов со стороны человека. Таковы четкие формулировки ряда документов ленинских декретов и последующего периода.

Неприкосновенность природных объектов может реально обеспечивать только право землепользования путем изъятия территории. Говорить о заповедании видов животных и растений, занесенных в Красные книги (Петров В.В., 1980, Рашек В.Л., 1981), можно лишь абстрактно, поскольку причинами исчезновения видов чаще бывает не прямое их истребление, а неблагоприятные изменения среды обитания. Поэтому для обеспечения заповедания охраняемых видов необходимы изъятые из хозяйственного использования специальные заповедные территории.

Современная рекреация с индустрией туризма несомненно является одной из форм хозяйственной деятельности в отношении природных объектов и поэтому недопустима для заповедных территорий. Это не относится к объектам историко-культурного

*Опубликовано: Организация заповедного дела. — Алма-Ата: Кайнар, 1985. — С. 35–36.

назначения, заповедание которых всегда лишь условно (как условна их неприкосновенность). Законодательство предусматривает возможность выделения историко-культурных заповедников (музей-заповедники), но в этом случае понятие заповедности меняется, становясь условным.

Происходящая на глазах деградация представлений о заповедности смертельно опасна для сохранения особо ценных природных объектов. Пока существует классическое определение заповедания как полного изъятия каких-либо объектов из хозяйственного пользования, хозяйственные вмешательства в заповедниках юридически являются нарушениями. Если же окончательно возобладает и будет официально принята тенденция широкого толкования заповедности, то практически любая деятельность человека на заповедных охраняемых территориях станет правомерной. Она будет уместна и в заповедниках так же, как сейчас в заказниках, заповедных урочищах (зонах) и т.д. Бывают же случаи, когда решения о заповедном режиме территории не выполняют землепользователи, за которыми закреплены такие участки.

Перенесение понятий ЗАПОВЕДНЫХ ОБЪЕКТОВ, ЗАПОВЕДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ на заказники, памятники природы, защитные зоны и другие особо охраняемые участки наиболее распространено в массовой литературе. В газетах нередко пишут о «БОТАНИЧЕСКИХ ЗАПОВЕДНИКАХ» или «ЗАПОВЕДНИКАХ ДЛЯ ЖУЖЕЛИЦ», хотя это в действительности заказники, о «ВЕРБЛЮЖЬЕМ ЗАПОВЕДНИКЕ» (фактически — совхоз) и «ЗАПОВЕДНЫХ ЛЕСАХ» (фактически — охотхозяйства). Но эти грубые ошибки все чаще переносятся в научную литературу, чему способствуют такие термины, как юридически неправомерный «ПРИРОДНО-ЗАПОВЕДНЫЙ ФОНД» или «ЗАПОВЕДНЫЕ КАТЕГОРИИ», «МИКРОЗАПОВЕДНИКИ» и т.д. Появилось даже понятие «заповедная охрана природы» (Петров, 1980), обобщающая выделение самых разных охраняемых территорий, что неверно в функциональном и методическом планах.

Заповедными территориями с полным основанием могут быть названы только государственные природные заповедники. К первым теоретически могут относиться отдельные участки природных национальных парков, в которых предусмотрено заповедание при условии представления паркам прав землепользования. Как исключение, возможна заповедность отдельных точечных памятников природы (деревьев, скал и т.п.).

Понятие о заповедности природы при полном прекращении хозяйственной деятельности человека юридически определено, однако нуждается в решительном закреплении. Произвольное обращение с этим ответственным термином недопустимо.

Эволюция представлений о заповедности*

В процессе исследований были изучены законодательные акты и проекты таковых в отношении заповедников и заповедного дела России, СССР и РФ, разработанные с 1910 г (положение о намечавшемся Кавказском ГЗ) до наших дней. Среди них представляет особый интерес как по своему объему, так и по содержанию «Положение о заповедниках», составленное юристом Сергеем Владиславовичем Завадским (1871–1943) в 1913–1914 гг. (не публиковалось, хранится в архиве РГО, ф. 1, Оп. 1, ЛЛ. 157–175). В нем, также как и в ряде последующих документов, отражены исходные классические постулаты основоположников заповедного дела — В.В. Докучаева, И.П. Бородина, Г.А. Кожевникова, А.П. Семенова Тян-Шанского, В.Н. Сукачева и других отечественных ученых, которые неизменно подчеркивали важность принципа ПОЛНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ заповедных участков, «предоставляемых в исключительное пользование самой природы» (Докучаев, 1961). «Основной задачей охраны природы является сохранение отдельных участков ее в неприкосновенности в целях научного изучения» (Кожевников, 1925). «Заповедником... называется определенная площадь, объявленная неприкосновенной навсегда» (Соловьев, 1918).

Первый советский проект «Декрета Совета Народных Комиссаров о государственном заповедании с научной или художественной целью участков суши, вод и недр земли», разработанный в январе 1919 г. Н.Н. Подъяпольским в Москве после встречи в Кремле с В.И. Лениным, определял научное заповедание как «ограждение участков девственной природы от всякого вмеша-

*Опубликовано: Ф.Р. Штильмарк, 1997. Анализ эволюции системы государственных заповедников Российской Федерации // Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора биологических наук. — С. 18–19.

тельства со стороны человека» (Подъяпольский, 1929). Широко известный «ленинский» декрет «Об охране памятников природы, садов и парков» от 16. 09. 1921 г. также трактует заповедники как неприкосновенные территории. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране участков природы и ее отдельных произведений...» (1925 г.), особо ценные природные участки могли быть взяты под охрану «или с ограничением их использования, или с оставлением В НЕПРИКОСНОВЕННОМ ВИДЕ. С ЭТОЙ ЦЕЛЮ ИМ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИСВОЕНА ЗАПОВЕДНОСТЬ. Полные заповедники представляют собою участки природы, в отношении которых воспрещается хозяйственное использование и нарушение их естественного состояния в целях сохранения возможности изучения в них законов развития природы».

В первом официальном «Типовом положении» о заповедниках НКП (1929 г.), принцип неприкосновенности хотя и сохранялся, но уже ставился под сомнение: «Заповедниками признаются участки земельной или водной площади, которые навсегда подлежат оставлению в неприкосновенном виде ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЮ ИХ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ» Вскоре последовавшее Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20. 06. 1930 г. «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» на долгие годы определило охрану природы как «систему мероприятий, направленных на защиту, развитие и качественное улучшение природных богатств страны». В этом постановлении сохранилась трактовка заповедников как участков природы, «объявленных неприкосновенными», но это было последним упоминанием о неприкосновенности заповедников в советском законодательстве. Этот тезис был подвергнут жестокой критике как «идеалистически-буржуазный» (Уинер, 1991).

Только Закон об охране природы в РСФСР 1960 г. вернул утраченную в 30-х гг. формулировку о заповедниках как территориях, которые навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях, но это было в большой мере лишь декларацией (вскоре последовал «разгром» 1961 г.). Положением о заповедниках Главохоты РСФСР 1962 г. предусматривалось выделение участков, «на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы», однако, при разработке типовых положений о заповедниках 1981 г. после долгих споров оно было исключено. В раздел о заповедниках Федерального Закона «Об особо охраняемых природных территориях» эта

формулировка была внесена по инициативе диссертанта (ст. 9, п. 3), но первоначальные слова «должны выделяться» были при окончательном редактировании заменены расплывчатым выражением «могут выделяться», что в корне исказило желаемый смысл.

Мы убедились, что основополагающий тезис о неприкосновенности заповедников не выдержал испытания жизнью и в настоящее время подвергается новым атакам, причем официальное законодательство способствует его расшатыванию, предоставляя руководству конкретных объектов «право выбора». Некоторые формулировки Закона об ООПТ (1995), в частности, п. 2 ст. 9-й, фактически позволяют осуществлять в заповедниках самые различные «деловые» вмешательства. Классические представления о научном заповедании растворяются в процессе усложнения и роста системы ООПТ, происходит явная девальвация самого термина, когда заповедность (т.е. ПОЛНОЕ ИЗЪЯТИЕ природной территории или объекта из ВСЯКОГО использования) подменяется частичными мерами охраны. Этому содействует и широкое экологическое движение, не осознающее или упрощающее понятия научного заповедания. Большую роль при этом играют правовые вопросы, в частности, действующий порядок землепользования. Многие противоречия могли бы быть сняты при более тщательной научной разработке индивидуальных положений о каждом из действующих заповедников.

Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики*

Начнем со словарных определений. В известных словарях по экологии и природопользованию Н.Ф. Реймерса (1980, 1990 и др.), также как и в более позднем словаре Б.М. Миркина и Л.Г. Наумовой (1999), понятия об экологической этике отсутствуют. В словарях-справочниках В.В. Снакина (1995, 2000) «Этика экологическая» определяется как «учение о должном в отношении

*Опубликовано: Гуманитарный экологический журнал, 2001. — Т. 3, спецвыпуск. — С. 127–128.

человека, его хозяйственной деятельности и природы, основанное на внутренних самоочевидных нравственных принципах» (дословно повторено также в словаре В.Ф. Протасова и А.В. Молчанова, 1997). Этика же сама по себе определяется чаще всего как учение о морали и нравственности, их роли в обществе и общественном развитии.

Надо ли пояснять, сколь различны могут быть подходы к этике и морали у людей в зависимости от их рас и наций, от верований и образованности, от множества других факторов, даже в условиях одной страны (пусть России). Экологисты превозносят мудрость и правоту природы, но согласятся ли с ними те, кто пострадали от стихийных бедствий? Даже на примере резко различного отношения людей к охоте на зверей и птиц, которую одни прославляют, а другие яростно клянут, можно видеть, сколь неоднородны наши взгляды на экологическую этику. Поэтому приведенное определение вряд ли может быть однозначно принято. То, что вполне «самоочевидно» одному человеку, оказывается совершенно неприемлемым для другого, и споры между ними могут длиться до бесконечности.

Если говорить о современном обществе нашей страны, то надо учитывать, что оно пребывает в очень специфическом постсоветском историческом пространстве, своеобразном «Зазеркалье», когда ранее усердно прививаемые идеалы разрушены, а новые по существу отсутствуют. Между тем, идеалы — будь то Царство Божье, «научный» ли коммунизм или научное — без кавычек — понятие о ноосфере, как результата коэволюции природы и общества, жизненно необходимы людям. Идеалы, как считают философы, вовсе не должны быть реальной целью, нет, они почти всегда практически недостижимы, но лишь **УКАЗЫВАЮТ ВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ**. Ни один государственный заповедник СССР по сути не был в полной мере **ЗАПОВЕДНЫМ**, представляя сложный конгломерат из элементов охраны природы, науки, экопросвещения и разных форм ограниченного хозяйствования. Однако же первоначально приданный на переломе XIX и XX веков идеал **АБСОЛЮТНОГО ЗАПОВЕДАНИЯ** или **ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ** заповедной природы в определенной мере все же обеспечивал такую деятельность нашей заповедной системы, которая была признана всем миром как лучшая для охраняемых природных территорий планеты. Пусть абсолютная заповедность «не является гарантом сохранения коренных ландшафтов» (из словаря Снакина), пусть даже на каком-то эта-

И.И. Шишкин. Лесная глушь. 1872

пе сукцессии это приведет к появлению «эталонов деградации» (временных, надо учесть!) — все равно, только принцип неприкосновенности превращает наши заповедники в особые, поистине «священные пространства», перед которыми будут благоговеть и наши потомки. Красоты же природы пусть хранятся в национальных парках.

Сама по себе мечта об абсолютном заповедании безусловно идеалистическая, как и учение о ноосфере («Сфере Разума»). Но не пора ли нам, наконец, хотя бы понемногу отвыкать от советских стереотипов, когда только сугубо материалистические подходы рассматривались как положительные, а словом «идеалист» клеймили некие «буржуазные» представления? Ведь при всем своем бесконечном разнообразии МИР ЕДИН, и ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЗЕМЛЕ ОДНО. Подобно тому, как смешаны в людях физическая телесность и духовная нравственность (хотя никто души человеческой не видел), так и материализм не способен отвергнуть идеалистическую основу человека. И экологическая этика, и понятие о подлинной заповедности опирается на ВЫСШИЕ человеческие ценности, а НЕ ТОЛЬКО на сугубо научные взгляды об эталонах природы, системах ООПТ и сохранении биоразнообразия.

Умственность довлеет над чувствами, но все-таки именно они, ЧУВСТВА, подчас управляют людьми, определяя их поступки и поведение. Поэтому идеалисты, считающие, что спасти природу может только ЛЮБОВЬ, по нашему убеждению, более правы, чем те, кто призывает к разумному управлению биоценозами, регуляции численности животных, рациональному природопользованию и т. д., и т. п. Существенная разница лишь в том, что все формы идеализма (яркий пример тому — религия) в нашем советском обществе на протяжении долгих десятилетий жестко преследовались государством, а «воинствующий материализм» (причем подчас весьма агрессивный) всячески поощрялся. Недаром же таким успехом пользовались и «мичуринская биология», и биотехническая школа П.А. Мантейфеля, многочисленные ученики которого продолжают и сегодня активную и направленную деятельность (в частности, и в заповедной сфере). Но поскольку наше общество сегодня явно испытывает ностальгию по всему советскому прошлому, рецидивы примитивного материализма, к сожалению, вполне естественны. И все-таки впереди огни! У человечества нет иного выбора, кроме признания экологического императива и соблюдения подлинной, а не мнимой экологической этики.

Абсолютная заповедность — последний оплот реальной охраны дикой природы*

Проблема защиты дикой природы достойна БОЛЬШОЙ философии, а не нашей сугубо доморощенной, на уровне личных представлений. На тему «дикой природы» и отношения нашего к ней размышляли Шатобриан и Байрон, Шопенгауэр и Швейцер, Булгаков (философ, конечно, а не писатель!) и Флоренский, когда же Леонов пишет «любите природу дикую, а людей культурных», то хотя это и верно, однако выражает «простоту хуже воровства». Здесь проблема не только этически-моральная, но и религиозно-нравственная, проблема ДУХА и ТЕЛА, даже, если хотите, своего рода «борьба противоположностей». Да, охота это страсть, но ведь чувства могут быть и сильнее разума, ЛЮБОВЬ ТОЖЕ страстное чувство, а ведь прав Жан Дорст, что ПРИРОДУ СПАСЕТ ТОЛЬКО НАША ЛЮБОВЬ, то есть ЧУВСТВО, а НЕ РАСЧЕТ! Если мне придется все-таки писать о дикой природе, надо обратиться к творчеству двух братьев Кожевниковых, старший из которых был философом-идеалистом, а второй — экологом.

Хочу еще раз обратиться к Г.А. Кожевникову как к классику нашего отечественного заповедного дела. Нужно постоянно разъяснять, что есть «абсолютная заповедность», я ведь за всю жизнь — учтите это! — не добавил ни одного слова к тому, что говорил и писал об этом Г.А. Кожевников. Замечу, что в научно-методических записках «Заповедное дело» вып. 2, М., 1997 г. были помещены мои материалы о Г.А. (причем в оглавлении нет даже упоминания обо мне как авторе статьи о Кожевникове и составителе подборки его материалов). Не уместно ли сейчас еще раз напомнить: «Основной задачей охраны природы является СОХРАНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ЕЕ В НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ (это и есть «абсолютная заповедность»! — Ф.Ш.) в целях научного изучения... Если мы взглянем глубже, то увидим, что познание природы есть основа как правильного миропонимания, так и материального благополучия отдельных людей и целых народов». «А у нас, — писал Г.А., — «заповедным» ОФИЦИАЛЬНО считается Лосиный остров, превращенный в дачный поселок. Именно этот же тезис преподносят с важным видом сегодня руководители отечественного заповедного дела.

*Опубликовано: Гуманитарный экологический журнал, 2001. — Т. 3, спецвыпуск. — С. 111–113.

«Охранять ПЕРВОБЫТНУЮ ДИКУЮ ПРИРОДУ ради нее самой, смотря на прикладные вопросы, как на стоящие на втором плане — вот основная идея охраны природы». Отказ ОТ АБСОЛЮТА ради узких экономических интересов (это и экотуризм, а подчас и экопросвещение, чаще всего профанируемое ради элементарной выгоды — Ф.Ш.) с моей точки зрения ЕСТЬ ПОЛНЫЙ КРАХ идеи охраны природы. Всякое «хозяйство» (в том числе и так называемое «заповедное» — Ф.Ш.) по существу своему в корне противоречит идее охраны природы. Человеческое хозяйство есть всегда уродование природы. ТОЛЬКО НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЖИЗНЬ ПРИРОДЫ СДЕЛАЕТ ПРИРОДУ НАУЧНО ИНТЕРЕСНОЙ. Если мы с этой позиции сойдем, то никогда не осуществим охрану природы в истинном смысле этого слова. Пусть это крайнее мнение, но оно истекает из сути дела. И мне было весьма грустно слышать, что вместо того, чтобы отстаивать идею ПОЛНЫХ заповедников для охраны ПЕРВОБЫТНОЙ (конечно, в условном смысле «первобытной», ибо глобальные формы тех или иных загрязнений и вмешательств проявлялись уже во времена Г.А. — Ф.Ш.) природы и изучения ее, отстаивать хотя и трудный, но ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ подход к делу, сразу переходят на защиту идеи более легко осуществимой, но чуждой всякого идейного интереса...». В данном случае некоторые экологи, отказываясь от идеи абсолютной заповедности, защищают интересы ненавистных им охотничьих хозяйств. Ведь когда В.В. Докучаев и Г.А. Кожевников предлагают предоставить территории «абсолютно заповедных» участков природы в безраздельное владение «коренных обитателей!» (растений и животных), они вовсе не отвергают наличие НАУЧНЫХ СТАНЦИЙ, проведение научных исследований, конечно же, избегая при этом отстрелов и отловов, рубок и попок. Печально, что нашу заповедную природу надо охранять не только от браконьеров, которых порой гонит голод, но и от иных доцентов с кандидатами... Известно немало печальных примеров более чем активного научного вмешательства в живую природу заповедников, и нередко наука оправдывает откровенное природопользование под видом всевозможных «регулирований» и «управлений биоценозами». Поэтому-то столь необходимо само по себе понятие АБСОЛЮТНОЙ ЗАПОВЕДНОСТИ как едва ли не последнего оплота РЕАЛЬНОЙ и ДЕЙСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ.

Надеяться, что советские (пусть «пост-», один черт) люди увидят в дикой природе нечто Священное, что они примут Религию природоохраны, увидят в В. Бореiko или С. Забелине новых «Гуру», конечно, более чем наивно. Общество СНГовное не только бездуховно и тупо, но и предельно материалистично + технократично. Ведь почему я отстаиваю науку заповедную и заповедность «от людей для людей» (кстати, сей мотив звучит и в Законе США). Потому что не поймут иного и не примут, раздавят как Чечню! Вот сегодня, слышно, обсуждают вопрос ООПТ в правительстве, похоже, что речь идет о передаче заповедников в Министерство госимущества, конечно, ради приватизации и коммерциализации, торговли ими — вот наша реальность, а не Священное пространство... Разве я не знаю, что такое «заповедная наука» с учеными советами из бухгалтеров, сборами никому не нужных коллекций и методами сплошного отстрела? Когда мы плыли по Логате, то видели волков, «пасущих» стада диких оленей, а первое, за что взялся Таймырский «заповедник» — авиаотстрел на деньги, выделенные для патрулирования (и начальник отдела заповедников из главка в этом участвовал непосредственно). Примеров таких множество, но я рассматриваю заповедную науку лишь как ФОРМУ НАИМЕНЬШЕГО ЗЛА, ибо было бы хуже, если вместо этих жуликов пришли бы нефтяники и газовики. Наука — единственная реальная защита заповедности в нашем обществе, недаром Кожевников и Макаров обманывали — до поры до времени! — этим большевиков, пока не пришел «невинный» Малиновский. А у наших сегодняшних (не только министра МПР Яцкевича, но и у президента Путина!) психология абсолютно малиновская (она же — мичуринско-лысенковская), кроме уплаты парижских долгов и сбора налогов для них сегодня ничего более священного нет и не предвидится. Ельцин и тот был человечнее, хоть и груб, но не рядовой советский материалист, как эти.

И все-таки развернуть на примере США саму по себе ИДЕЮ охраны дикой природы совершенно необходимо и своевременно, надо только придать ей более рациональную и приемлемую для общества форму, не ориентироваться только на некое «светлое будущее», а попытаться внедрить как уже принятую Западом (приходится прислушиваться!) и проверенную в реальности. Хотя в наших условиях это скорее всего будет чистая профанация, ибо даже с официальными ООПТ никто не считается, а так можно ВСЕ объявить особо охраняемым и повсюду творить что вздумается.

Заповедное в загоне*

Главной темой совещания, прошедшего в Сочи в декабре 1994, были экологическое просвещение и работа с населением; фактически обсуждались многие насущные проблемы заповедного дела на его современном этапе. Обозначились две основные позиции участников — деловито-бодрая, которой придерживалось большинство, и тревожно-ностальгическая.

Историю заповедного дела в России не вместишь даже в толстую книгу, не только в короткую статью. Когда издавалась серия «Заповедники СССР», готовился заключительный обобщающий том, для которого использовались обширные архивные и рукописные материалы. К сожалению, книга не состоялась (издание прервалось в 1992 году, вышло лишь семь томов вместо десяти), и все же я надеюсь выпустить ее в свет под названием «Эволюция заповедного дела в России». Последние значительные события, в частности принятый во втором чтении Госдумой проект Закона об охраняемых природных территориях и упомянутый семинар в Сочи, позволяют подвести некую условную черту, тем более существенную, что именно сейчас исполнилось сто лет со времени основания В.В. Докучаевым Деркульской степной опытной станции — по сути, первого научного отечественного заповедника. Сейчас трудно судить, по какому пути пошло бы развитие охраняемых природных территорий (ОПТ), если бы Россия стала демократической страной. Но факт остается фактом — научные заветы основоположников отечественного заповедания досталось выполнять советской власти.

Тоталитарный ленинско-сталинский режим создал едва ли не лучшую в мире систему государственных заповедников не потому, что верил в науку и ученых, — наоборот, он чаще доверялся шарлатанам, — но лишь в силу человеческого и морально-нравственного потенциала, который был накоплен старой Россией и которого сейчас нам всем так сильно не хватает. Люди заповедного дела подвергались унижениям и гонениям не только в недоброй памяти 1951 или 1961 годах, но и в начале тридцатых, когда им пришлось поневоле отказаться от классического принципа невмешательства в заповедную природу (принцип единственно верный!) и перейти на рельсы своеобразного «природно-заповедного «спецхоза»», вернуться из которого оказалось

почти невозможным в силу причин не только политических, но и социально-экономических. И опять же не в бедности было дело, а в целом комплексе условий и обстоятельств — вплоть до нравственных и психологических. Только в отдельных, особо благоприятных случаях ученым иной раз удавалось одерживать кратковременные успехи (о победах и говорить не приходится!), например, в случаях с Законом об охране природы в РСФСР (1960 г.) или в отдельных пунктах «Типовых положений» 1981 года, разработанных под эгидой Академии наук СССР.

Понятие об истинной заповедности как полном отсутствии какой бы то ни было хозяйственной деятельности, включая не только все без исключения виды туризма, но даже музейное дело, даже регуляцию численности животных, не говоря уже об их подкормке, скорее удавалось реализовать в каких-нибудь дальних безлюдных местностях, чем в официальных заповедниках с их плановыми программами и мероприятиями, с большими штатами, с привлечением многочисленных посетителей. Беда была еще в том, что советские заповедники с момента своего создания подменяли собой национальные и природные парки, которые представляют собой совершенно иную категорию ОПТ и предназначены прежде всего — в отличие от заповедников! — для общения людей с природой, причем в первую очередь ради экологического просвещения и экотуризма.

Что же заставляет сегодня нас — далеко не меня одного! — толковать о заповедниках в тонах минорно-ностальгических? Не старческое ли это брюзжание, не принцип ли «а я всегда против»? Ведь успехи и заслуги наших заповедников у всех на виду — это весьма существенный количественный рост, заметное увеличение численности персонала (в том числе и научного), это преодоление былой многоведомственности, ибо подавляющее число заповедников ныне сосредоточено в системе Минприроды РФ, где имеется специальное управление, наконец, это ряд серьезных постановлений о развитии заповедного дела, принятых в последние годы на самом высоком уровне.

Однако, как это нередко бывает, недостатки являются продолжением или даже следствием достижений. Взятое в последние полтора десятилетия генеральное направление на резкий рост числа и площадей заповедников не могло не сказаться отрицательно на их качестве. Даже гораздо более сильное и богатое ведомство, чем Минприроды РФ, вряд ли могло бы совладать (тем более при нынешних реалиях) с таким «заповедным государством», общая площадь которого составляет чуть ли не две Бе-

*Опубликовано: Природа и человек, 1995. — № 7. — С. 18–19.

И.И. Шишкин. В лесу графини Мордвиновой. Петергоф. 1891

лоруссии, а без малого сотня его территорий разбросаны «до самых до окраин».

Судя по экспертным оценкам, наше государство в лице Минприроды способно сейчас реально контролировать ситуацию едва ли в одной половине от всех имеющихся заповедников, причем их финансирование неумолимо и повсеместно сокращается. Чаще всего выделяется лишь фонд зарплаты; а ведь каждый заповедник имеет свою инфраструктуру, которую надо содержать и оплачивать. Привыкшие к строго бюджетной системе заповедники вынуждены «перестраиваться» на самообеспечение ради выживания в условиях постсоветского нецивилизованного рынка, тогда как даже подлинный им противопоказан по всем статьям, а коммерциализация просто губительна. Вот почему пожилые директора тоскуют то недавнему «застою», старики же вспоминают сталинское страшное время как золотой век заповедной науки. Ну а молодые «определяются», кто как может... Выжить надо!

Серьезными достижениями принято считать статьи Закона об охране окружающей среды, посвященные ОПТ, включая определение природно-заповедного фонда, а также принятое в том же 1991 году новое положение о государственных природных заповедниках. Но те люди, которые готовили эти документы (особенно юристы), не знают и не хотят знать не только истории, но и существа заповедного дела, кроме того, они смотрят чаще всего с прагматических, но не с научных позиций, учитывая прежде всего проблемы человека, а не природы. Анализ всех ранее принимавшихся положений о наших заповедниках (их было около десятка) в сопоставлении с нынешним позволяет нам утверждать, что само понятие о заповедности как полном прекращении любой хозяйственной деятельности, по существу, оказалось размытым и может в любой момент исчезнуть из нашей жизни. Принимаемый же ныне новейший Закон об ОПТ лишь закрепит эту горестную констатацию. Передовой рубеж и единственный реальный плацдарм охраны живой природы, по сути, разрушен. Знаю, что мне можно возразить, указывая на строки документов, но повторяю сказанное с полной ответственностью. Не объяснить в двух словах и в статье тоже (в книге постараюсь), но суть дела в главной беде всей социалистической системы — подмене дела словом, советском двоемыслии, когда говорится одно, подразумевается другое, а делается вовсе с пятого на девятое. Приведу лишь один конкретный пример. В «Положении о заповедниках Главохоты РСФСР» 1962 года имелась статья 16 о вы-

делении участков, где «исключается всякое вмешательство человека в природные процессы». Эта, по сути, единственная юридическая опора подлинной заповедности была выброшена из документов 1981 и 1991 годов под чисто демагогическим лозунгом «Весь заповедник должен быть заповедником». Но ведь этого не бывало никогда и нигде! Люди есть люди, даже ученые оставляют подчас весьма неприглядные следы своего пребывания, да и пресловутое «заповедное хозяйство», равно как и лесостроительство, всевозможные «режимные мероприятия» и тому подобное оказывают неизбежное и порой явно отрицательное воздействие на природные биоценозы. Факты свидетельствуют, что создание крупных заповедников на Севере (типа Таймырского или Усть-Ленского) многократно усилили антропогенное воздействие на хрупкую природу тундры. Хотя и по сей день в большинстве наших старых заповедников сохраняются, как некая дань прошлому, «зоны покоя», или участки «абсолютной заповедности» (другой вопрос, соблюдаются ли эти ограничения), но правила нынешние выделять их уже не обязывают. Впрочем, и не запрещают, хоть на том спасибо.

Раздел о государственных природных заповедниках в новом Законе об ОПТ начинается с декларации о том, что их природные комплексы и объекты изъятые из хозяйственного использования. Однако же здесь надо было бы добавить слова: «изъятые из пользования других ведомств», ибо самим заповедным владельцам в соответствии со статьей 9-й разрешается делать там практически все, что только душе угодно. Даже перечень бывших запретов из текста убрали (исключение почему-то сделано лишь для акклиматизации). Заповедности, повторюсь, в нынешних заповедниках нет.

Этот факт и есть главнейший признак эволюции заповедного дела на современном его этапе. Может быть не следует воспринимать сие чересчур трагически — ну нет и нет, проживем без нее, так даже удобнее, у директоров руки развязаны!

Тем более, что есть насущные проблемы гораздо более земные и серьезные, например, где денег взять, когда их не дает министерство, как все дыры залатать... Правда, родное заповедное управление в беде не оставляет, присылает циркуляры, такие, например, как «О коммерческой деятельности госзаповедников» (от 5.03.1992), или «О порядке ведения ограниченной хозяйственной деятельности на территории госзаповедников» (от 19.02.92), или «О порядке обоснования и проведения рубок в госзаповедниках» (от 28.02.1994). Требуется ли комментарии? Впрочем, все это не

от хорошей жизни, ведь в огромной Минприроде РФ и самому главному тяжело, тем более, что управление совсем недавно перестало быть «главным», заметно потеснено по ряду позиций. Здесь нечему удивляться, ведь у нас «мир — это война», а природа это ...министерство. Вот и вспомнишь добрым словом былую ведомственность. Минсельхоз и Главохота, пожалуй, относились заботливее и к заповедной природе, и к работающим в ней людям, особенно к ученым, которые у нынешних руководителей явно не в чести. Дело не только в том, что из официальных документов исчезло научное руководство, ранее осуществляемое РАН, и не только в слабом финансировании науки. Суть в переориентировке назначения заповедников от науки и охраны природы ко многому другому, лукаво и осторожно называемому то экопросвещением, то экотуризмом, если же сказать по правде — к тому самому «хозяйству на природе», от которого только наши заповедники должны были избавлять мир... В этом состояло их отличие от национальных парков, которое теперь снято стараниями многих наших деятелей. Они свое слово сказали.

Согласен, давайте будем реалистами. Во всем мире именно национальные парки являются наиболее распространенной и оптимальной формой ОПТ. В них проложены дороги, по которым ездят и ходят люди, а вокруг красивые ландшафты, полные всякой живности, как правило, при этом утрачивающей спасительный страх перед человеком. Проблема domestikации фауны в парках США, по-видимому, неведома нашим «просвещенцам». А сколько было сказано красивых слов о преимуществе отечественной заповедной системы, о бедствиях американских национальных парков из-за наплыва туда экотуристов — забыто быстро! Зато, вволю нагостившись в интересных краях, наглядевшись на красоту и благополучие, невольно позавидуешь (надо сказать, что при всей бюджетной бедности наши чиновники ездят за рубеж весьма часто). У нас национальных парков мало, они влачат довольно жалкое существование, зато есть заповедники — вывод напрашивается сам собой. Прежние попытки поднять национальные парки до уровня госзаповедников, вполне естественно кончились обратным результатом. Директор заповедника «Ханка», депутат Госдумы В.И. Нестеренко, выступая на семинаре в Сочи, дал понять, что идея объединения заповедников и парков, а точнее, преобразования первых во вторые витает в воздухе.

Теоретически это было бы не только честно, но и разумно. Раз нет в обществе даже понятия о заповедности, так и заповед-

ников как учреждений быть не должно. Пусть будут национальные и природные парки с различными зонами, вплоть до закрытых и запретных, пусть будут заказники и памятники природы (на 90 процентов «бумажные»), останутся научные стационары и опытные станции, а заповедники сохранятся в книгах как мечта о царстве небесном или светлом будущем... Грустная теория!

Конечно, среди наших заповедников есть и такие, которые гораздо больше соответствуют статусу национальных парков (не будем конкретизировать), однако же именно они более всего опасаются подобного преобразования, поскольку осознают всю опасность этого для живой природы. Ведь общественный и культурный уровень народонаселения России просто несопоставим с теми странами, куда так любят ездить «за опытом» наши чиновники и специалисты. Подавляющее большинство их порою совершенно не приспособлено к общению с гостями, и ожидать чего-либо кроме конфуза не приходится.

Итак, заповедное дело в нашей стране действительно выходит на новый уровень, возможно более соответствующий мировым стандартам, но лишенный былой самобытности, исполненной не только большой научной значимости, но и высокой духовности. Что же, жизнь продолжается, несмотря на все потери. Очевидно, будущее за сложными многофункциональными ОПТ типа западных национальных парков или наших биосферных резерватов (термин «биосферный заповедник» по сути своей некорректен и не соответствует прежней трактовке «государственного заповедника»). Теоретически при этом и подлинная заповедность может иметь место на определенных участках или зонах (ведь даже в колхозах иной раз существовали микрозаповедники, правда недолго). Вспомним только, что настоящий заповедник надо было называть не «лабораторией в природе», как часто писали в печати, но лабораторией природы. Ныне это уже утопия.

«Думается, что ученым и литераторам пора наконец четко различать заповедники и национальные парки... Парки для красоты и наслаждения, заповедники — ради науки и для будущего...» (Н.Ф. Реймерс, 1979). Это из прошлого. Ученый умер, и дело его не живет, но мы-то живы, и у нас своя правота. Мы тоже чьи-то внуки, а они пусть сами о себе позаботятся.

...Слушаешь радио и думаешь — не ко времени вся эта писанина. Однако именно ответственность перед трудными временами заставляет писать.

Где закон — там и неправда*

На памяти людей моего поколения разновеликими рубцами отложилось великое множество всевозможных законов и постановлений, так или иначе связанных с охраной природы и использованием природных ресурсов. Мудрая партия и Советское правительство в неизменной заботе о благе трудящихся выносили их на всенародное обсуждение, газеты печатали отклики и письма... Закон же был единый — бумага терпит!

Ныне все не так, хотя мы вновь переживаем бурный всплеск законотворчества. Фактически без обсуждений принят Закон «Об охране окружающей среды», опубликован же он спустя 2,5 месяца после подписания только в «Российской газете» (3.03.92). Вроде бы и страна обновленная, и система политическая как бы иная, однако даже новейшие законы, оказывается, пишут люди, стоящие одной, в то и двумя ногами в незабвенном для них прошлом.

Читая раздел IX нового закона («Особо охраняемые природные территории»), нетрудно видеть давно знакомый текст, сотворенный еще в середине 70-х годов, когда главк по охране природы Минсельхоза СССР заключил договор с кафедрой земельного (ныне, кажется, «экологического») права юридического факультета МГУ, и заведующий этой кафедрой профессор В.В. Петров составил проект положения «О заповедной охране природы», сразу же подвергнутый резкой критике многими специалистами заповедного дела.

Если мы возьмем изданную в 1984 г. книгу В.В. Петрова «Правовая охрана природы в СССР», предназначенную в качестве учебника для студентов вузов, то в главе XVI можем прочитать все «установки» тех времен, которые не стали лучше за истекшие годы, хотя и обратились ныне статьями «новейшего» и отечественного закона.

Здесь уместно привести слова академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, сказанные по вполне аналогичному случаю: «Нельзя издавать закон, не понимая его значения, создателей этого закона нужно судить международным судом»**. А вот строчки из

*Опубликовано: Зеленый мир, 1992. — № 15-16. — С. 12.

**Речь идет о законе «О музейной деятельности и музейных организациях на территории Российской Федерации». Д.С. Лихачев считает его «сознательным уничтожением русской культуры», а ведь он касается и уникальных природных объектов, они тоже по сути часть таковой... («Независимая газета» от 25.03.92 «Закон суров. Но это — закон?»).

статьи, посвященной Закону о недрах (из той же серии «природоохранительных», а точнее — разорительных).

"Работа над этим законом, хотя и проводилась по распоряжению председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатова, но носила какой-то узкий, келейный характер, со своеобразным подбором специалистов-разработчиков... разгромные рецензии на него дали Российская Академия наук в лице ряда институтов*". Тем не менее он, как и закон об охране окружающей среды, был благополучно принят.

Да, злейший враг живой природы России, пожалуй, не мог бы нанести более сильного ей удара, чем дать неудачные разработки 70-х годов в качестве действующего закона. Однако не следует переоценивать и драматизировать случившееся — навидались мы на своем веку предостаточно сменяющих друг друга законоположений, и не нами сказано про «закон — дышло»... Жизнь идет своим чередом, вносит свежие струи в омертвелые берега союриспруденции. Но поскольку предстоит, видимо, принимать новые и новые законодательные акты (в частности, специально об охраняемых природных территориях, о культурном и природном наследии и ряд других), целесообразно вновь вернуться к предмету давних дискуссий, открыв их как бы «с чистого листа». Трудно только быть при этом откровенным — не приучены-с...

В свое время мы уверенно писали, что «неохраняемых природных территорий в СССР юридически нет»** поскольку вся земля, ее недра, воды, леса находятся в государственной собственности и составляют единый госфонд. Это положение очень близко к печально знаменитой формуле «все вокруг колхозное, все вокруг мое», предопределяющей всеобщее наплевать к природе и неминуемое ее разорение. Если принцип зарубежных национальных парков, создаваемых в XIX и XX веках, заключался в том, что государство брало под надежную и реальную защиту природные участки «для блага и радости нации», то у нас с октября 1917 года все пространство огромной державы объявлено единым бесхозным национальным парком, в котором каждый чувствует себя не хозяином, а незванным гостем. И одним из самых загадочных парадоксов в этой стране чудес и беззаконий явилось создание системы советских государ-

ственных заповедников, которыми мы были вправе гордиться — системы, признанной ныне во всем мире.

Явление это стало возможным лишь потому, что в его основу легли не только представления видных русских ученых дореволюционного периода (Бородин, Кожевникова, Талиева и др.), но и нравственные заветы народа, которые можно кратко выразить одной строкой из забытого словаря В. И. Даля: «помни праотцев — заповедного не тронь!». Главным камнем, положенным в тот фундамент заповедной системы, которая создалась уже в двадцатых годах при поддержке так называемых «интеллигентных большевиков», к числу коих принято относить и В. И. Ленина, был так называемый принцип неприкосновенности. Этот важнейший и основополагающий для подлинной заповедности принцип заключался в том, что на территориях заповедников люди не должны вмешиваться в естественный ход природных процессов, они как бы добровольно отстраняются от всякого управления, совершенствования, улучшения, по возможности сокращая до минимума любые формы своего влияния на природу (косвенные влияния, такие, как глобальное загрязнение или тепловое воздействие на атмосферу в заповедниках устранить пока невозможно, речь идет прежде всего о прямых и непосредственных вмешательствах).

Хотя «фетиш неприкосновенности» и был официально отвергнут, сложившаяся в 30-х годах заповедная система продолжала расширяться и расти. Благодаря своеобразному подбору кадров и покровительству некоторых «значительных лиц» она являлась как бы рефугиумом для биологов и натуралистов, изучавших природу наших заповедников. С первых же дней возникновения подлинно охраняемых территорий к ним стали предъявлять претензии хозяйственники (лесорубы, пастухи, геологи и др.). Сбережение в таких условиях могло быть обеспечено только одним — безусловным правом землепользования. Получив его, заповедники оказались по существу единственной реальной формой территориальной охраны природы в нашей стране. Ни заказники, ни памятники природы, не говоря уже о всевозможных «запретных», «защитных», «зеленых» и прочих зонах, такими возможностями никогда не обладали и не обладают.

Конечно, провести резкую грань между особо охраняемыми и хозяйственными территориями невозможно. Подчас какое-нибудь лесохозяйственное хозяйство, предназначенное для высочайших забав, охраняется от браконьеров гораздо лучше заповедников. Иногда благоденствует живая природа в погранполосах,

*Ю. Чещенко. Держись геолог... // «Независимая газета» от 21.03.92).

**Н.Ф. Реймерс, Ф.Р. Штильмарк. Особо охраняемые природные территории. — М.: Мысль, 1978. — С. 12.

различных спецзонах, наконец, просто там, где редко бывают люди. Но благополучие такое очень зыбко...

Что такое заказ (заказник) и почему здесь не может быть заповедности? Это прекращение пользования тем или иным биоресурсом — чаще всего на практике это запрет охоты — при продолжении хозяйственной эксплуатации данной территории. Допустим, прекращается (запрещается, причем не всегда эти понятия совпадают) охота на зверей и птиц, т. е. объявляется на определенный срок (или без срока) заказник.

Но тут же работают сельхозпредприятия, леспромхозы, ведется разработка полезных ископаемых — о какой заповедности можно вести речь? Дело даже не в отсутствии штатов охраны, не в правовой беспомощности (ни один заказник России и СНГ не является официальным госучреждением), суть в том, что заказники не обладают правами распоряжаться на своей территории, они не являются землепользователями.

То же самое и с памятниками природы. Лишь теоретически может быть установлен для них заповедный (а не заказной) режим, и то в тех случаях, когда памятник представляет собой конкретный и небольшой («точечный») объект, например, отдельное дерево, валун, скала и т. д.

Если же памятником природы объявляют значительную территорию — а это делается сплошь и рядом! — она совершенно беззащитна. Не раз предлагалось «зачислить» в разряд памятников природы не только Волгу и Байкал, но и целые регионы — например, Крым, Камчатку... Зачислить, объявить, вписать — это мы можем, но станет ли хоть одному деревцу легче?

Безусловно, регулирование интенсивности хозяйственного воздействия на живую природу — могучий рычаг ее охраны и сбережения. Любой директор любого совхоза и колхоза, любой законный охотпользователь вправе прекратить или ограничить природопользование на принадлежащей ему территории, т. е., иначе говоря, создать свой заказник, свой местный памятник природы. И примеров таких немало. Есть воспроизводственные и запретные участки в охотхозяйствах, различные лесные резерваты, запретные для ловли рыбы нерестовые места. Одно время увлекались созданием так называемых «микрозаповедников» — точнее, школьных и иных заказников для спасения насекомых (шмелей, муравьев и т. п.) — несть им числа, и это прекрасно, но при чем же тут заповедание? Сегодня председатель или бригадир разрешил оставить на лужайке травку для шмелей, а завтра новый начальник все порушит (увы, пример отнюдь не отвлечен-

ный, могу привести десятки конкретных). И опять-таки все дело в том, кому принадлежит земля, кто на ней хозяин, как он к ней относится.

Кроме заповедников, землепользователями в интересах охраны природы могут быть еще национальные парки (они стали создаваться в СССР только в 70-х годах), где предусматривается создание заповедных зон. Фактически, как правило, они таковыми не являются, но это уже зависит от самого парка, во всяком случае, юридическая основа заповедности — при наличии права землепользования! — здесь имеется.

Система советских заповедников, созданная в 20-30-х годах, дожила до 1950 года, когда она захлебнулась на гребне волны лысенковщины. Погубивший ее тогда А. В. Малиновский* провозгласил именно то, что сейчас заложено в новый Закон — расширительное толкование заповедности. «Для ряда зверей весь наш Союз является заповедником, — заявлял Малиновский, — вот, например, тигр у нас запрещен к отстрелу». По сути та же логика у автора раздела IX нового закона, (объединяющего в понятие «природно-заповедный фонд Российской Федерации» (ст. 60) не только «заповедники, заказники, национальные природные парки, памятники природы», но и «редкие или находящиеся под угрозой исчезновения растения и животные, отнесенные к видам, занесенным в Красную книгу». Если объединение заповедных территорий с мифическими в своем большинстве псевдозаповедными можно рассматривать как попытку выдать желаемое за действительное (главный принцип социализма, без которого не могут существовать его воспитанники), то подключение сюда же — к территориям! — краснокнижных видов можно объяснить только тем, что у наших юристов «дважды два — стеариновая свечка»...

Впрочем, беда не в этом, а в фактическом растворении понятия заповедности как изъятия из всякой хозяйственной эксплуатации, в отсутствии записи об их правах на землепользование (чем только заповедность и может быть обеспечена, подчеркнем еще раз). Совмещение (а, возможно, и замещение) подлинных запретно-охраняемых территорий (заповедников) с мнимообъявляемыми заказниками и памятниками будет губительно для заповедного дела.

*Роль его в событиях 1950–1951 гг., когда была разрушена сеть заповедников, общеизвестна и никоим образом не отвергается новыми данными, собранными В. Борейко в архивах («Зеленый мир», 1992. — № 3–4).

Впрочем, это своего рода закономерный процесс разрушения глубоких народных традиций и научных классических принципов, который был начат в эру сталинизма и успешно продолжен в сменившую его застойную эпоху. Хотя за сорок лет, миновавших после разгрома заповедной сети в 1950–1951 годах, ее в количественном выражении удалось восстановить (впрочем, многие ценнейшие участки безвозвратно погибли и восстановлены быть не могут), сегодняшние заповедники далеко не те, какими они в свое время создавались. Это уже своего рода комплексные «спецпредприятия», отнюдь не чуждые при возможности хозяйственной, а подчас и коммерческой деятельности.

Впрочем, природоохранное значение заповедников в целом пока еще сохраняется. Но ранее действовавший хотя бы исподволь принцип неприкосновенности («абсолютной заповедности») теперь уже совсем изгоняется, юристы не оставляют ему ни клочка, ни зацепки... А ведь можно было бы допустить существование абсолютных («полных») заповедников либо как отдельной формы резерватов, либо как части существующих, оговорив строгое невмешательство, включая сюда и научную деятельность (знаю, что это вызовет протесты ученых, привыкших к весьма вольной жизни на заповедных зланных землях!). Отдельной категорией охраняемых территорий являются и биосферные резерваты, отличающиеся от наших традиционных госзаповедников своей комплексностью и необходимостью зонирования. Целесообразно было бы различать национальные и природные парки, ввести их подразделение в зависимости от уровня подчиненности.

Сложной проблемой, от которой отвернулись разработчики нового закона (раздела IX), является необходимость выделения особо оберегаемых пространств в интересах коренного населения Севера. И если мы по своей закомплексованности боимся термина «резервация» (хотя это не концлагерь, а предоставление земли ее подлинным хозяевам), то необходимо ввести что-то иное, например, «земли традиционного хозяйствования».

Наконец, нельзя обойти молчанием (как это сделал новый закон) сложный вопрос о так называемых «заповедниках-музеях». Трудно согласиться с теми, кто вообще не признает данного термина, ибо такие «тяни-толкай» существуют в реальной жизни. Разумеется, если речь идет о музее-заповеднике «Московский Кремль», можно сослаться на то, что природа здесь ни при чем, но как быть с теми же Соловками, с Бородинским полем, с Михайловским, где мемориальные и культурные объекты неразделимы с природными, буквально слиты порой воедино? И здесь

вся проблема заключена на самом деле в праве землепользования, которое должно быть предоставлено музею-заповеднику.

Конечно, если право музея как хозяина земли распространяется лишь на Кремль, замок или усадьбу, а все прилежащие ландшафты находятся в распоряжении ближайшего лесхоза или колхоза, озабоченного очередным перевыполнением очередных планов, никакого ландшафтного обрамления у музея не предвидится, а именно так сейчас и происходит в реальности. Задача же нового законодательства — изменить дело к лучшему. Да, видно, другие заботы у поспешающих разработчиков...

Вообще-то, перспективы заповедного дела на новом витке социального развития незавидны. Советский предприниматель и коммерсант страшнее американских первооткрывателей и вооружен новейшей техникой. Уроны могут быть для живой природы тяжелейшие, если государство не поднимется на действенную защиту. Пока же новый виток «прогрессивного советского законодательства» вполне сочетается с газетными объявлениями о продаже тигровых шкур (из того самого новейшего «фонда») и сдаче в аренду «для состоятельных людей» лучших охотугодий.

Принципы заповедности и развитие системы биосферных заповедников*

Понятие о заповедности в настоящее время по-разному употребляется и воспринимается даже специалистами. В широком смысле многие говорят об уровне и степени заповедности, рассматривая, кроме собственно заповедников, и другие формы территориальной охраны природы — заказники, памятники природы, охраняемые ландшафты и т.п. В узком же и более конкретном плане под заповедностью необходимо понимать не только полное исключение того или иного участка из всякого утилитарного хозяйственного использования, но и отсутствие непосредственного антропогенного воздействия. Именно такой смысл был вложен в термин «заповедник» классиками отечественной науки

*Опубликовано: Всесоюзное совещание: Биосферные заповедники. Современное состояние и перспективы развития. Тезисы докладов, 1981. — Пущино. — С. 20–24.

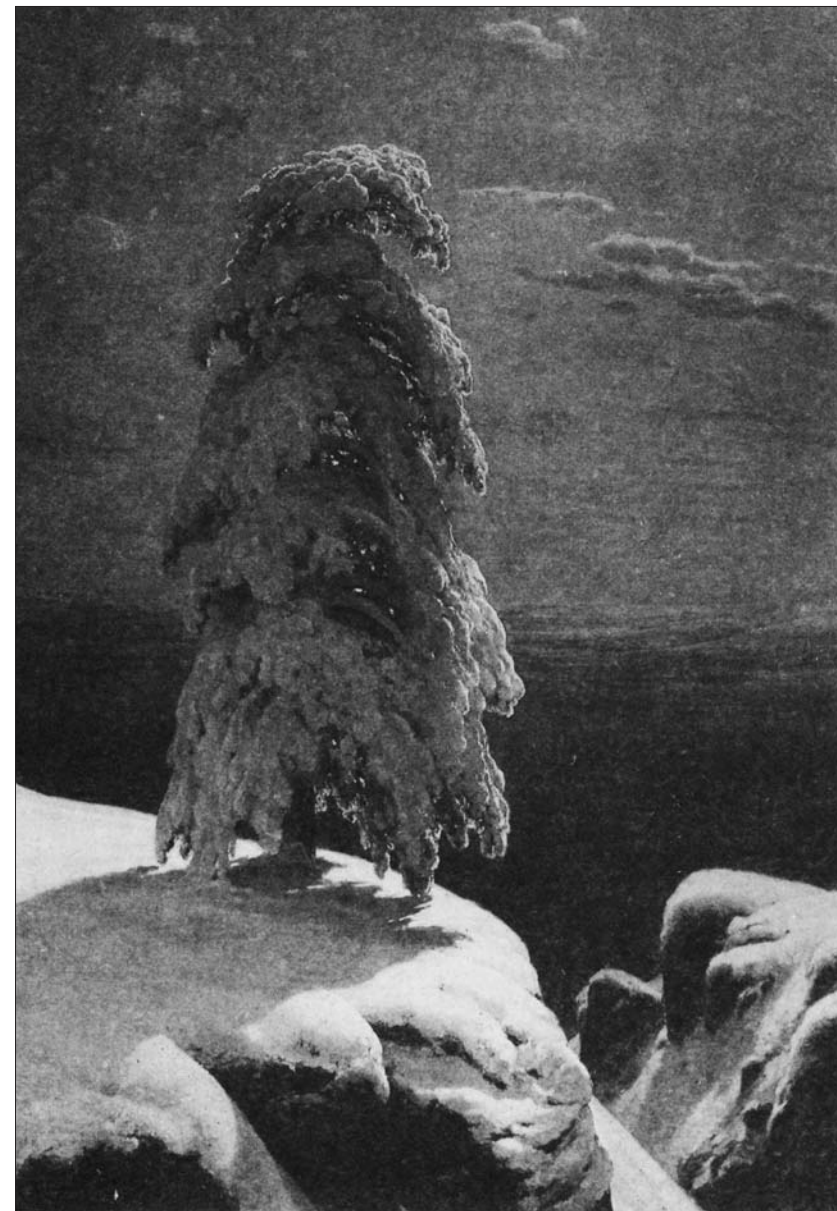
в начале XX века (В.В. Докучаевым, И.П. Бородиным, Г.Ф. Морозовым, Г.А. Кожевниковым и др.). Заповедность понималась ими как абсолютное невмешательство в природу, и этот тезис был принят советским природоохранным законодательством, хотя впоследствии неоднократно подвергался ревизиям.

Ныне заповедниками признаются территории, исключенные из хозяйственного использования в научных или культурно-просветительных целях*. Заповедность, как правило, обеспечивается правами землепользования на данный природный участок и прекращением воздействия людей, включая их пребывание — в этом основное отличие заповедников от национальных парков, заказников и других охраняемых территорий. Разумеется, всевозможные формы глобального антропогенного влияния (загрязнение и др.) сказываются и на заповедных территориях, но прямое должно прекращаться.

К сожалению, классические принципы заповедности с большим трудом осуществляются в реальной действительности. Потребность человека в конкретной практической и преобразовательной деятельности столь велика, что идеи невмешательства в заповедную природу очень часто рассматриваются как консервативные, если не реакционные, они заменяются требованиями направленной регуляции и управления биоценозами подчас даже в тех случаях, когда для этого нет объективных условий и достаточной научной базы. Широкая общественность, а также большинство экологов неспособны в течение длительного времени, не вмешиваясь, наблюдать нежелательные с общепринятой точки зрения изменения в заповедных биогеоценозах. Они стремятся воздействовать «в желательном направлении» на ход сукцессии, регулировать численность животных, их видовой состав, осуществлять «заповедно-режимные мероприятия» и т.д. При этом часто ссылаются на проявления хозяйственной деятельности вне заповедника, не считаясь с тем, что этот фактор становится уже общим глобальным фоном и должен рассматриваться наравне с природными.

Подавляющее большинство официальных положений о заповедниках (включая недавно принятые «Типовые положения»,

*Следует учитывать, что помимо природных заповедников существуют ещё историко-культурные, в также промежуточные формы между этими категориями (историко-архитектурные и природные музеи-заповедники, например, Соловецкие острова).

И.И. Шишкин. «На Севере диком...» 1891

утвержденные в апреле 1981 г. Госпланом СССР и ГКНТ), включают в себя статьи, допускающие в заповедниках самую различную деятельность, направленную на «выполнение поставленных перед ними задач». В условиях существующей многоведомственности и отсутствия научно-методического центра эта формулировка по существу развязывает руки тем, кто видит в наших заповедниках специфические «заповедные хозяйства» (термин, получивший широкое официальное признание, несмотря на его юридическую неправомерность).

Хотя практически во всех заповедниках выделялись те или иные участки различного режима («зоны покоя», «зоны абсолютной заповедности», участки для ограниченного хозяйственного использования, экспериментальные и другие), официальное зонирование в научной литературе пока признается только для биосферных заповедников, где, по мнению большинства авторов, должно существовать как заповедное («срединное») ядро, так и обширная буферная зона, в которой изучается не только природа, но и воздействие различных форм землепользования. Вместе с тем, многочисленные попытки официального зонирования существующих заповедников всегда вызывали и вызывают резкую критику со стороны ученых, поскольку были по существу стремлением к передаче части заповедных площадей для экспериментальных или научно-хозяйственных целей. Новые «Типовые положения» зонирования заповедников не предусматривают.

Концепция биосферных заповедников рассматривается как более высокий этап охраны природы по сравнению с классическими консервационными принципами. «Научно-исследовательская деятельность в них, — пишут в журнале «Курьер Юнеско» (май 1981, стр. 34) В. Лусиги и Д. Робертсон, — включает не только вопросы экологии флоры и фауны, но и рационального использования природных ресурсов... Выходя за рамки сохранения, концепция биосферного заповедника предусматривает активное изучение более широкого вопроса использования и преобразования человеком экосистем в целом». Такую постановку вопроса, которую разделяют и наши ведущие специалисты, можно только приветствовать, однако она показывает, что биосферные заповедники являются принципиально новой формой особо охраняемых природных территорий, сочетающей в себе лишь некоторые признаки заповедности с активной научно-хозяйственной деятельностью. Недаром указанные выше авторы пишут далее, что сам термин «заповедник» в данной концепции является неточным.

В самом деле, биосферные заповедники мыслятся как весьма обширные территории (участки биосферы!), позволяющие прежде всего изучать, контролировать и прогнозировать антропогенные изменения в биосфере как среде жизни людей. Задача сохранения генетического и экологического разнообразия биоты, что является главным для наших заповедников по действующему законодательству и подчеркнуто еще раз недавним Законом об охране и использовании животного мира, несомненно уступает здесь основную роль глобальному и региональному мониторингу.

На первоначальной стадии формирования сети отечественных биосферных заповедников, казалось бы, не подлежало сомнению, что они будут создаваться как крупные территориальные единицы в различных географических регионах страны. Конкретно намечалось создать шесть больших биосферных заповедников-станций, в частности, там, где государственных действующих заповедников не имеется — на Земле Франца-Иосифа, в Якутии и т.д. (Герасимов, Израэль, Соколов, 1976). Однако в последующем статус биосферных заповедников получили несколько давно созданных заповедников, преимущественно системы Минсельхоза СССР. Ныне большинство из них стоит перед сложной проблемой сочетания традиционных и привычных заповедных задач с новыми научно-хозяйственными концепциями, с необходимостью официального выделения зон различного режима, что противоречит новым «Типовым положениям», которые, кстати, совершенно не предусматривают ни статуса, ни самого понятия о биосферных заповедниках. А поскольку вовлечение окружающих заповедники территорий в буферную зону довольно сложно, наблюдается тенденция выделения этой зоны за счет заповедной площади, что опять же вызывает критику со стороны многих ученых и энтузиастов охраны природы. К тому же развертывание довольно сложных мониторинговых исследований и даже простое увеличение числа научных сотрудников в заповедниках неизбежно связано с дополнительными нагрузками на заповедные комплексы, с возрастанием фактора беспокойства (Юргенсон, 1962 г.).

Таким образом, нынешние тенденции возведения уже действующих заповедников в будто бы более высокий ранг биосферных станций нельзя признать правильным. Биосферные станции (такое многими принимаемое название более верное) должны составлять самостоятельную и отдельную категорию охраняемых природных территорий. Высокие ведомства, заинтересованные в создании биосферных заповедных станций (Акаде-

мий наук СССР, Госкомгидромет СССР), безусловно в состоянии решить проблему их создания без использования системы действующих государственных заповедников, кроме, быть может, исключительных случаев, когда это вызвано особой необходимостью (Репетекский или Центрально-Черноземный заповедники). Но и при этом недопустимы попытки изменить или ослабить режим заповедности в связи с развитием научно-хозяйственных и экспериментальных работ, которые должны осуществляться только за пределами действующих заповедников (в крайних случаях — в их охранных зонах). В нашей стране достаточно территории, чтобы развернуть сеть биосферных станций без ущерба для заповедного дела страны.

Необходимо учитывать, что и обычные, и биосферные заповедники могут плодотворно осуществлять свои функции только в составе всей системы особо охраняемых природных территорий (Реймерс и Штильмарк, 1978). При ее формировании нужно действовать так, чтобы повышать, а не понижать степень охраны или заповедности в широком смысле слова. Организация же биосферных заповедников пока грозит пойти по другому пути, и эту опасность необходимо вовремя увидеть и устранить. Разумеется, все сказанное не снижает важности проблемы скорейшего развития общегосударственной системы биосферных заповедников-станций, имеющих первостепенное научное значение при решении многочисленных проблем охраны окружающей природной среды.

Природные заповедники России как социально-общественный феномен*

Скончавшийся в начале 2000 г. академик Никита Николаевич Моисеев, признаваемый прямым продолжателем идей и концепций В.И. Вернадского, в ряде капитальных своих трудов, в частности, недавней книге «Быть или не быть...человечеству?» настоятельно подчеркивал реальность и значимость стремительно нарастающего экологического кризиса (по его выражению — «проклятья, вызванного цивилизацией»), который все более нас-

*Опубликовано: Современные проблемы географии и природопользования. — Вып. 5–6. — Барнаул, 2001. — С. 202–206.

тойчиво угрожает глобальным кризисом нашей планете и всему человечеству. Для преодоления этого кризиса и спасения вида *Homo sapiens* требуются уже не только радикальные меры по рационализации природопользования, или четкое выполнение программ «устойчивого развития» (точнее, принципа «Sustainable development», что не вполне тождественно принятому русскому переводу), но и решительное изменение принципиальных основ людского бытия, включая морально-нравственные, и прежде всего — во взаимоотношениях человечества с природой.

В своем предсмертном обращении к участникам «круглого стола», на котором обсуждалась указанная книга, Н.Н. Моисеев не впервые пророчествовал: «Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости... Можно лишь утверждать..., что планета и мировое сообщество вступили в новую стадию развития... Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет к деградации биосферы и неспособна гарантировать существование Человека в ее составе... Человек подошел к пределу, который нельзя переступить ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг — и человечество сорвется в пропасть...

...Новая цивилизация должна начинаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ. Человечество должно научиться жить в согласии с природой, ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека» («Мыслитель планетарного масштаба», М., 2000. — С. 18–19). Таков общий фон, на котором приходится сегодня рассматривать те или иные конкретные экологические проблемы.

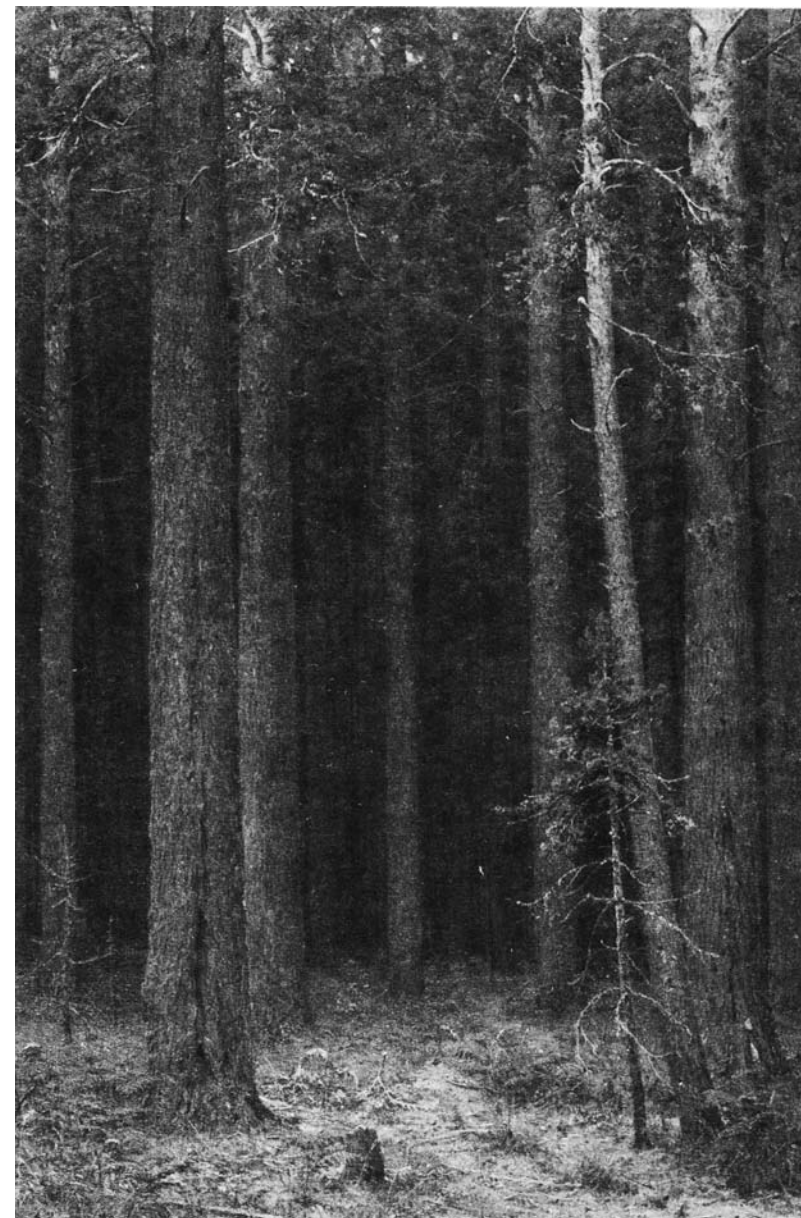
В наши дни одной из наиболее реальных форм сохранения биоразнообразия и земной природы в целом принято считать системы разнообразных особо охраняемых природных территорий (ООПТ), причем наиболее высокой их категорией справедливо признаются государственные природные заповедники. Первый такой заповедник России (Баргузинский) был официально учрежден в конце 1916 г., но фактически истоки отечественного заповедного дела берут начало во второй половине XIX века, в частности, с опытных участков В.В. Докучаева (Насимович, 1979; Штильмарк, 1996). В конце 2000 г. в Российской Федерации организован СОТЫЙ по общему счету действующий природный заповедник; их суммарная площадь составляет 33,5 млн га, что близко к двум процентам от всей территории страны.

Действующая ныне система государственных заповедников прошла длительный путь развития и всевозможных преобразований. Анализируя этот весьма сложный процесс, мы убеждаемся в том, что главной его чертой была НЕОБЫЧАЙНАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ, проявлявшаяся буквально во всех аспектах становления и деятельности наших заповедников — от выбора их территорий и законодательных основ до конкретной текущей работы.

Согласно классическим представлениям о заповедности и природных заповедниках, сформулированных в конце XIX — начале XX веков В.В. Докучаевым, Г.А. Кожевниковым, И.П. Бородиным, В.Н. Сукачевым и другими видными биологами, заповедники создавались в качестве эталонов природы на ландшафтно-географической основе, причем главным их принципом, как мы неоднократно подчеркивали, признавался ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА людей в заповедную природу, которая как бы передавалась из человеческого подчинения «в пользование» ее коренных обитателей, то есть обитавших на ней растений и животных. Вместе с тем, одновременно предусматривалось учреждение при заповедниках опытных научных станций для проведения долговременных наблюдений и исследований.

Уже в этом исходном постулате было заложено существенное противоречие, ибо научные исследования, проводимые на территории заповедников, неизбежно требуют определенного и подчас довольно значительного вмешательства в жизнь тех или иных «коренных обитателей». Отстрелы и отловы животных, сборы всевозможных коллекций и гербариев (включая даже самые редкие виды), закладка пробных площадей с проведением разного рода экспериментов — все это осуществлялось и осуществляется в наших природных заповедниках как нечто само собой разумеющееся: и только в самые последние годы на это обратили внимание отдельные сторонники взглядов А. Швейцера и соблюдения экологической этики (Швейцер, 1992; Никольский, 1996, Бореико, 1998, Бореико и Поминова, 2000 и др.). Более того, в свете высказываний Н.Н. Моисеева, стоит обратить внимание на развиваемые В.Е. Бореико нетрадиционные представления об «идеологии заповедного дела», согласно которым следует отойти от привычных нам научно-материалистических принципов, заменив их своеобразной «религией природоохраны», когда интересы человека должны уступить место интересам заповедной («дикой») природы.

«Как попугай мы повторяем байку, что заповедники создают для науки, а чтобы полюбить природу, ее надо изучить (во что

И.И. Шишкин. Заповедник. Сосновый лес. 1881

давно уже никто не верит), и одновременно стесняемся или боимся признаться в своих ощущениях дикой природы как священного пространства» (Борейко, Поминова, 2000, с. 5). Если учесть, что наши заповедники с момента их зарождения возникали как научные учреждения, официально оставаясь ими по сей день, а также тот факт, что в них работает около 500 научных сотрудников, осуществляющих экологический мониторинг («Летописи природы») и ряд разнообразных научных программ («Научные исследования...», 1997; «Организация научных исследований...», 1999 и др.), то расхождения и противоречия между общепринятыми взглядами ученых и новаторскими суждениями В.Е. Борейко кажутся совершенно непреодолимыми. Но так ли это на самом деле? Даже в сугубо атеистические советские времена в слова «заповедь» и «заповедник» вкладывался, как писал О.В. Волков (1976) «некий СВЯЩЕННЫЙ смысл». Ни один из энтузиастов заповедного дела, надо надеяться, не откажется от известного афоризма Жана Дорста о том, что природу может спасти от гибели только наша любовь («Природа будет ограждена от опасности только в том случае, если человек хоть немного полюбит ее просто потому, что она прекрасна и потому, что он не может жить без красоты...» (Дорст, 1968, с. 405)).

Но формы антропогенного вмешательства в заповедную природу при научных исследованиях не идут ни в какое сравнение с тем, что на самом деле допускалось и допускается в наших заповедниках, причем на правовой основе, в соответствии с действующим законодательством. Двоемыслие и демагогия, столь присущие советскому строю (когда провозглашалось одно, а делалось нечто совершенно иное), особенно ярко проявились именно в сферах охраны природы и заповедного дела. Почти во всех законах и положениях о заповедниках говорилось о «вечном» и «полном» прекращении «всякой» хозяйственной деятельности, после чего следовали длинные разделы и параграфы, позволявшие не только проводить биотехнические мероприятия и регулирование численности животных (проще говоря — массовые отстрелы или отловы), не только устройство музеев и питомников, но и разнообразное строительство, прокладку коммуникаций, дорог и просек (чего только не делалось в заповедниках также и при лесоустройстве!), рубку и посадку лесов, ловлю рыбы и т.д., и т.п... Десятки, а порой до сотен единиц всевозможной техники, включая гусеничные трактора и тяжелые вездеходы бороздили заповедные земли, и все это считалось (и считается сегодня) в порядке вещей. Редкие призывы отдельных наив-

ных лиц использовать в транспортных целях лошадей и ездовых собак воспринимаются как некое чудачество.

Обратимся к другому, ничуть не менее явному, но очень слабо отраженному в литературе вопросу относительно выбора территорий под заповедники, самого процесса их организации. Научные принципы здесь известны — от прежних регионально-географических подходов до комплексных экологических, когда заповедники рассматриваются в качестве элементов более обширных СИСТЕМ ООПТ (Реймерс, Штильмарк, 1978 и др.). Но что же мы видим в реальности?

Первоначально главными и вполне прагматическими мотивами создания заповедников были интересы охраны наиболее ценных — для хозяйства! — животных (соболя, зубра, бобра, выхухоли, северного оленя, охотничьих птиц в дельте Волги или гаги на Севере). Позднее и вплоть до нашего времени очень важную роль играли факторы субъективности и престижности, когда происходило своего рода «соревнование» тех или иных «субъектов Федерации» (особенно это было характерно для автономных республик). «Почему это у наших соседей есть госзаповедник, а у нас его нету?» — грозно спрашивал некий секретарь обкома (или глава администрации), после чего в центр направлялись соответствующие запросы и ходатайства. Иногда существенную роль могла играть инициатива отдельных энтузиастов, но так или иначе сугубая субъективность или конкретные интересы хозяйственников, как правило, преобладали над любыми доводами науки. Правда, усилиями ученых были разработаны известные «перспективные планы» сети заповедников СССР и Российской Федерации, а также официальные «Генсхемы», но более половины из намеченных вариантов по сей день остались на бумаге (Штильмарк, 1997; Сыроечковский, Штильмарк, 2000 и др.). Приведем лишь некоторые примеры из противоречий этого рода. Ни в каких научных планах и генсхемах мы не отыщем многих заповедников, созданных в последнее десятилетие — таковы, в частности, «Бастак» (Еврейская автономная область); «Большая Кокшага» в Республике Марий-Эл; Джергинский в Бурятии; «Норский» (Амурская обл.); «Нургуш» (Кировская обл.); Полистовский в Псковской области и смежный с ним Рдейский в Новгородской; Присурский в Чувашии; Тигирекский в Алтайском крае (намечался как национальный парк); «Эрзи» в Ингушетии. Крайне неудачно выбрана территория бездействующего Гыданского заповедника (Ямало-Ненецкий авт. округ), между тем как остаются неосуществленными такие насущ-

ные и весьма важные для охраны природы объекты как проектируемые заповедники на Южном Ямале и в дельте Селенги (недавно там начаты буровые работы в поисках нефти, несмотря на то, что эти участки относятся к нескольким категориям ООПТ); чуть ли не сто лет предлагается Барабинский лесостепной заповедник и ряд других вариантов. Из ранее необоснованно ликвидированных заповедников не восстановлены Саянский, Клязьминский, «Тульские засеки», «Бузулукский бор» и ряд других.

Стоит напомнить, что в столичной Московской области ранее имелось 7 заповедников, а сейчас невозможно создать хотя бы еще один в дополнение к единственному Приокско-Террасному, попытки расширения которого окончились неудачей. Короче говоря, развитие заповедной системы шло и продолжает идти по явно антинаучному пути компромиссов с разными уровнями власти, и это противоречие непреодолимо уже почти столетие...

Такое положение лишь отчасти можно поставить в укор нашим природоохранным ведомствам, тем более, что структуры их постоянно меняются (вспомним, что Государственный Комитет по охране природы, создание которого предлагалось еще до 1917 г., был учрежден лишь в 1988 г. и после ряда преобразований недавно расформирован). Все указанные противоречия явственно отражают тот социально-общественный феномен, который представляет собой наша заповедная система. Достойны большого уважения работающие в ней энтузиасты, причем не только те, кто трудится непосредственно в заповедниках, но и деятели управленческой сферы, так или иначе тянущие эту нелегкую лямку. Конечно, предпочтительнее было бы, как писал мне в 1964 г. покойный Н.Ф. Реймерс, работавший тогда на Сахалине, «чтобы наш экологический воз тянула лихая тройка, но не лебедь, рак и щука».

Ведь указанные недостатки и противоречия есть прежде всего отражение всей социальной ситуации, сложившейся в нашей стране, в частности, в сфере экологии. Мы наблюдаем явный откат общественного экологического движения от «бума» конца 1980-х гг. к нынешнему положению, когда на глазах возвращаются лозунги лысенковских времен о покорении природы и доводы в пользу возобновления былых «строек века» (одна из них — сооружение Юмагузинского водохранилища на реке Белой, не уступающей красотой Катунь) или даже поворота северных рек. Поэтому перед заповедным делом ныне могут возникать — и возникают! — новые немалые проблемы. Одной из самых серьезных угроз нам представляется тенденция на «конвергенцию» природных

заповедников и национальных парков (НП), которые стали создаваться в Российской Федерации лишь с начала 1980-х годов. Здесь также заложено серьезное противоречие, которое может привести к последствиям весьма печальным для природы и общества. Ведь наши заповедники, при всех изъянах, все же в большинстве своем отражают величие относительно первозданной природы, которой в мире осталось так мало, а в Европе нет вовсе.

Главное же назначение национальных парков — сохранение природы не ради нее самой, а в интересах общения с людьми. Туризм — пусть даже «экологический» (хотя термин этот весьма сомнителен уже в своей основе) — всегда представляет собой вполне определенную форму хозяйственной деятельности, юридически недопустимую в природных заповедниках и губительный для них. Почему-то эту несложную истину чаще признают зарубежные ученые. Вот лишь одно высказывание: «... когда построится последний гостевой домик, и будет создано множество удобств, необходимых туристам, ЗАПОВЕДНИКИ ПЕРЕСТАНУТ СУЩЕСТВОВАТЬ, ибо именно отсутствие человека определяет систему заповедников» (О. Родес, цит. по А. Горяшко, 2000; см. также Д. Харпер, 2000 и др.). Не место гостям-туристам в заповедниках, что же касается форм и методов научной деятельности, то при желании можно избежать серьезных уронов.

Еще один парадокс из сферы «заповедных противоречий»: фактическое перерождение заповедников в национальные парки началось в системе... Российской Академии наук (правда, не от хорошей жизни, а из-за отсутствия государственной заботы). Вот что с горечью писал зоолог Ю.Д. Чугунов, в прошлом главный проектировщик Дальневосточного морского заповедника: «...пришла пора сказать: заповедники себя изжили и должны перестраиваться в национальные парки. По этому пути уже идет наш Дальневосточный морской. Так, на острове Попова создана экскурсионная зона...» (Чугунов, 1998). Добавим, что не только сам ДВГЗ идет, но и других зовет за собой. Вот пример его официальной тематики: «Распространение опыта развития эколого-познавательного туризма и эколого-экскурсионной деятельности в заповедники Дальнего Востока». Ожидаемые результаты: «Увеличение числа экскурсантов и экотуристов на базе вовлеченных заповедников до 5000 чел. в первый год реализации проекта». Вроде бы, излишни комментарии! Но на эту тематику был выделен грант в 49 тыс. «зеленых» (подобная тематика как правило охотно и щедро спонсируется). По существу не имел (и не имеет) заповедного режима «строгий академический» Ильменский заповедник — один из первых в СССР.

Рассуждая прагматически, общественная роль национальных парков на данном этапе более существенна по сравнению с подлинными природными заповедниками, несмотря на все их высокое предназначение. Во всяком случае, нацпарков должно быть в стране больше по сравнению с заповедниками и по количеству, и по площади (сейчас их число почти в три раза меньше, чем заповедников). При должной постановке дела, они вполне могут обеспечить материально не только сами себя, но и поддерживать финансами другие типы ООПТ, включая заповедники. Именно национальные парки (а не заповедники — будь то научные или «священные») способны стать «гордостью народа и символом нации», тогда как рекламировать заветные заповедные земли вообще есть дело сомнительное (впрочем и в этом пункте скрыто явное противоречие).

«По идее» — сугубо теоретически — часть наших заповедников несомненно может быть преобразована в национальные парки. Яркий пример тому — экскурсионный участок заповедника «Столбы», который всегда имел статус НП, а не заповедный. Обследуя массивы брянских лесов, мы убедились, что форма национального парка здесь гораздо предпочтительнее заповедника, надо было бы только выделить в таком парке (он мог быть весьма обширным) ряд заповедных участков или зон. Думается, что это же относится и к ряду других территорий Европейской России, где лишь недавно созданы заповедники, неизменно вступающие в острые конфликты с местным населением (Керженский, Калужские засеки и ряд других). Другое дело, что понижение статуса может привести к нежелательным последствиям — значит, надо было сразу создавать не заповедники, а национальные (федеральные) или природные (муниципальные) парки: последние приобретают популярность в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока. Заметим также, что ПОДЛИННЫЕ природные заповедники как правило не могут занимать огромные пространства на миллионах гектаров, и не только потому, что невозможно обеспечить реальную охрану — такой гигантизм может вызвать общественный протест и дискредитировать саму идею настоящей заповедности. Более того, в отдаленных районах Крайнего Севера или ДВ создание госзаповедников при современных реалиях способно даже увеличить антропогенный пресс на относительно нетронутую ранее природу.

Ограниченность публикации не позволяет детально обсудить противоречия в подходах разных авторов и специалистов к проблеме создания новейших концепций системы охраняемых при-

родных территорий и оценить роль тех или иных научных или общественных организаций в разработке этой тематики (см. «Охраняемые природные территории...», 1999; Дежкин, 1999; Дежкин, Пузаченко, 1999 и др.). Отметим лишь, что предложения некоторых из указанных авторов о ревизии общепринятых взглядов на заповедное дело и предлагаемая классификация природных заповедников вызывает возражения ряда специалистов. Подчеркивая значимость роли Российского представительства Всемирного Фонда Дикой Природы (WWF) и Центра охраны дикой природы (ЦОДП) в попытках оптимизации заповедной системы России, мы склонны с определенной опаской относиться к широкой пропаганде зарубежного опыта в этой сфере. Особую настороженность вызывает явно чрезмерная активность Центра «Заповедники» в стремлении поставить на первый план в деятельности наших природных заповедников экологическое просвещение: экопропаганду и экотуризм. Положительной стороной деятельности WWF и ЦОДП — надо надеяться! — должны быть признаны обширные проектные разработки по созданию систем ООПТ в ряде российских регионов, в частности, на Алтае и в Саянах («Теория и практика...», 1999; Шурин, 2000 и др.).

Выше упомянутый нами автор (Горяшко, 2000) завершает свою интересную статью тезисом о том, что наши заповедники можно рассматривать «как первые примеры общества будущего, где люди уже сегодня научились жить в согласии с природой, ограничили свое присутствие и свои потребности ради гармоничного сосуществования всего живого». С этим можно согласиться лишь с очень существенной оговоркой, а именно: при условии, что люди живут ВНЕ заповедника, предоставив его природе не только из научных и экологических целей, но и ради высоких нравственных соображений. Но пока что в наших заповедниках все-таки хозяйничают именно люди, а не живая природа. Тем не менее, уже сегодня можно рассматривать отечественные природные заповедники как определенный шаг на трудном пути КОЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ, что по представлениям Н.Н. Моисеева приближает нас к понятию В.И. Вернадского о ноосфере.

«Изучение проблем коэволюции человека и биосферы открывает новое и, возможно, важнейшее направление фундаментальных исследований. Все предшествующее развитие научной мысли мне представляется предысторией развития науки, цель которой должна состоять в том, как обеспечить такую коэволюцию» (Моисеев, 1999, с. 253). Думается, что наши заповедники могут внести существенный вклад в исполнение таких сверхза-

дач, особенно в том случае, если бы удалось преодолеть противоречия и разногласия между сторонниками научных, морально-этических и религиозных принципов заповедания.

Один из классиков отечественного охотоведения и заповедного дела*

Можно принять за аксиому наше глубокое убеждение в том, что строго провести границу между «особо охраняемыми» и хозяйственно используемыми землями и нельзя, и не нужно. И все-таки существует незримый, но весьма существенный признак, отделяющий наши заповедники от всех других угодий вообще и от ООПТ, в частности. В различных законодательных актах и в ряде научных монографий даны весьма многословные определения заповедности и заповедников, однако гораздо короче и весомее звучат слова из словаря В.И. Даля: «ПОМНИ ПРАОТЦЕВ — ЗАПОВЕДНОГО НЕ ТРОНЬ!» Да, именно в этом и заключена главная морально-нравственная суть заповедности — отойди прочь и не прикасайся, а говоря более строгим стилем — заповедные территории ПОЛНОСТЬЮ исключаются из ВСЯКОГО прямого воздействия людей, в них — и только в них! — может реально действовать ПРИНЦИП ПОЛНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЗАПОВЕДНИКОВ (абсолютной заповедности), который не применим для всех других ООПТ, за исключением отдельных участков в национальных и природных парках и некоторых точечных памятников природы. Все другие, даже весьма ценные, природные территории являются хотя и охраняемыми, но НЕ ЗАПОВЕДНЫМИ, вот в чем корень проблемы. Тому можно привести много обоснований и научных (эталонность ландшафтов, сохранение биоразнообразия), и этических (уважение прав природы), но это не для краткой статьи.

Представляю себе, с каким скептицизмом, с какой ухмылкой прочитают сказанное деятели из различных наших общественных природоохранных фондов, не говоря уже о таких, как ЦЭП — Центр экологических путешествий, «автономная некоммерческая (? — Ф.Ш.) организация», созданная в 1998 году, в ко-

торой «работают экологи из МГУ, Российской академии наук и других образовательных и научных организаций» (цитата из брошюры-буклета «Зеленое кольцо Москвы. Путеводитель. Ваш спутник в путешествиях по национальным паркам и заповедникам». — М.: АСТпресс книга, 2003). Как известно, учреждений и организаций, подобных ЦЭП, сейчас хоть отбавляй — между ними и работающими там экологами идет жесткая конкуренция, ибо нынешний подъем экотуризма на самом деле является наглядным примером самой настоящей коммерции в приложении к российским заповедникам. Всякий туризм, даже если называть его «экологическим», является типичной формой активного хозяйственного воздействия, запрещаемого в заповедниках не только нравственными, но и юридическими нормами.

Однако не следует принимать этот тезис слишком болезненно. Здесь вполне уместно процитировать слова одного из наиболее авторитетных ученых в области современного заповедного дела, доктора биологических наук Ю.Г. Пузаченко: «Можно с полным пониманием отнестись к директорам заповедников и части сотрудников, поддерживающих малые формы коммерческого бизнеса. Они стоят перед финансовыми проблемами, которые не решаются государством. Каждый директор до начала коммерческой деятельности уверен, что такая деятельность только на пользу заповеднику. Но реалии жизни, как правило, оказываются сильнее благих намерений».

РАЗРУШЕНИЕ БАЗОВЫХ ИДЕЙ ЗАПОВЕДАНИЯ И СИСТЕМЫ ЗАПОВЕДНИКОВ ПРОИСХОДИТ, ПО СУЩЕСТВУ, ИЗНУТРИ» (Пузаченко. 1996, с. 17).

Иначе говоря, заповедники постепенно становятся звеном системы природопользования, а не природоохраны, что отражается даже в их подчинении Министерству природных ресурсов РФ. Это — горестный вывод! И Ю.Г. Пузаченко далее убедительно пишет о том, что такой процесс неизбежно охватывает не только заповедники, но всю сферу управления ими, которая сама по себе очень сложна. «В условиях устойчивого экономического развития, при надежном бюджетном финансировании, естественными приоритетами для системы управления становятся природоохранные и научные функции. Их реализация в этих условиях проще, чем реализация функций экологического образования и экологического туризма. Как бы мы ни организовывали территорию, экологический туризм неизбежно вступает в конфликт с задачами охраны и науки (заметим, что тогда еще не было ЦЭПа и ему подобных предприятий. — Ф.Ш.). В современ-

*Опубликовано: Зеленый мир, 2004. — № 19–20. — С. 23.

ных экономических условиях неизбежно приоритетным становится все то, что способно обеспечить финансовую поддержку и меньшую зависимость системы от бюджета... Таким образом, переориентация системы управления на развитие коммерческой деятельности становится во многом неизбежной» (там же).

Произошедшая «смена приоритетов» с науки на просвещение, туризм и коммерцию была предугадана учеными, они не раз толковали об этом на своих научных конференциях, но противодействовать объективным историческим процессам не могли. Заповедники, являясь государственными учреждениями, не могут быть изолированы от общества, его целей и установок. Это уже было проверено историей и в 1930-х и в 1950-х гг., что же касается нынешнего этапа, когда курс взят на максимально благополучное выживание при существенной роли коммерции (причем в значительной мере криминализированной), вся система ООПТ оказывается в очень сложной ситуации. Правда, она «облегчается» тем, что еще в советский период было изобретено множество способов обойти природоохранные законы и порядки при помощи самых различных и весьма многочисленных приемов, таких, как «рубки ухода» (также «санитарные», «восстановительные» и прочие), «заповедно-режимные мероприятия» (биотехнические, ветеринарные, профилактические, каких только не придумали наши биологи, лесники и охотоведы).

Роль троянского коня для отечественного заповедного дела — вопреки ожиданиям! — сыграли и такие заманчивые на первый взгляд новации, как развитие биосферных резерватов, создаваемых с 1983 г. в СССР на базе действующих заповедников (сам термин «биосферный заповедник» по существу неправилен), появление территорий мирового культурного и природного наследия ЮНЕСКО и даже системы национальных парков. Все это постепенно размывало и нивелировало понятие о строгой заповедности. Мы являемся свидетелями того, как лидирующая роль в системе ООПТ переходит от заповедников к национальным паркам. Во-первых, именно они доминируют в глобальной сети охраняемых территорий (в частности, в США, Канаде, Европе и Африке), во-вторых, национальные и природные парки имеют в целом более высокую общественно-социальную значимость по сравнению с классическими российскими заповедниками, в-третьих, они гораздо легче «вписываются» в общую геополитическую структуру страны. Именно этим (а не только недостатком финансирования) объ-

ясняется явное стремление к процессу конвергенции (смены функций) наших заповедников и национальных парков. Между тем система российских заповедников в своей основе и по своим принципам уникальна во всемирном масштабе, она должна быть сохранена хотя бы как одна из важных основ национальной безопасности, поскольку именно заповедные природные комплексы являются ныне главными общегосударственными и даже глобальными ценностями. Национальные парки призваны снять с наших заповедников почти все формы общения людей с природой, парки имеют и моральное, и юридическое право быть доходными и богатыми предприятиями, а при верной системе управления могли бы стать и финансовым фундаментом для своих старших бюджетных братьев. Существование крупных заповедников в обжитых европейских районах страны практически невозможно, для нацпарков же жестких территориальных пределов не существует. Они могли бы охватывать обширные массивы, например, такие как Усманский бор, Брянский лес, Жигулевские горы, сохраняя, конечно, при этом как существующие заповедники, так и выделяя новые подлинно заповедные участки «в самих себе».

Что же касается наиболее болезненного вопроса о недостатке средств для финансового обеспечения заповедников государством, то по здравому размышлению это выглядит неким парадоксом или даже насмешкой. Как сообщалось на одной из научных конференций, затраты на заповедники составляют 0,3 % от финансирования всей ПРИРОДООХРАННОЙ деятельности РФ, которая, в свою очередь, получает лишь долю процента в общем бюджете. Не смешно ли? Не время ли вспомнить (чуть перефразируя) известный афоризм Герберта Спенсера: не существует такой политической (добавим и экологической) алхимии, чтобы превратить в золото свинцовые человеческие инстинкты. Поэтому и утрачивается заповедность, оттого и весь кризис.

Неприкосновенность заповедников чаще всего только провозглашалась, но не находила места ни в реальной жизни, ни в теории. Призыв к тому, чтобы «весь заповедник был заповедным» (К.П. Филонов, Ю.А. Исаков), никогда и нигде не воплощался на практике. В словарях и монографиях по заповедному делу и охране природы нет статей о принципе неприкосновенности заповедников. Только в словаре В.В. Снакина (2000) имеется статья «Абсолютное заповедание», где сказано, что таковое осуществляется лишь на весьма ограниченной территории («как

правило, на не более 10% общей площади», с. 9). В недавно изданном словаре «Заповедное дело» (Дежкин и Снакин, 2003) даже этих определений нет. Заметим кстати, что данный «Словарь-справочник» можно назвать «информационно-полюемическим», поскольку там в большинстве статей приводятся разноречивые определения, читателю же предлагается выбрать из них вариант, предпочитаемый авторами, но без каких-либо гарантий в его справедливости.

...И в природе, и в обществе объективно существуют некие незримые «волны жизни», определенные периоды, так или иначе определяющие развитие тех или иных сфер нашего бытия. Мы были свидетелями некоего подъема экологического движения в конце 1980-х гг. (в конце 1988 г. был даже создан Комитет по охране природы), явного упадка его в следующем десятилетии и почти полной деградации в начале XXI века. Трудно предсказать когда, но совершенно неизбежен новый и более значительный всплеск внимания к экологии, возврат к подлинным (а не только к пиаровски-рекламным, типа наших «Красных книг») проблемам охраны живой природы. Глубочайшая по своей духовной силе и научной значимости идея строгой заповедности, то есть полного прекращения прямого воздействия человека на природные комплексы, которая всегда теплилась и сохраняется в наше время как некий подземный огонь в пластах торфа под снегом, возродится заново, будет признана наукой, получит общественное признание и войдет в практику отечественных заповедников.

Мысли об абсолютной заповедности

Из рукописи «Отчет о прожитом»,
которая готовится к печати

Ведь на самом деле ЗАПОВЕДНОСТИ в полном смысле слова у нас фактически не было, глубинно-духовная идея заповедей не воспринимается людьми. Ученым старой закваски или тому же идеалисту по своей сути В.Н. Макарову удавалось до поры до времени пудрить мозги большевикам, уверять их, что заповедники нужны социализму «ради науки», «для сравнения с хозяй-

ственными землями», «как эталоны природы». Государство, бросавшее миллиарды на военщину, всё же давало копейки заповедникам, музеям и библиотекам, а вот теперь-то, когда всё кругом разворовали, и тех копеек стало жалко...

* * *

Время действия — конец 1970-х гг. Плодовито было наше советское государство и мудрая партия на всяческие постановления и указы, свято верили они в чудодейство своих призывов и лозунгов. Мало показалось постановление «Об усилении охраны природы...» 1972 г., шесть лет спустя издали новое: «О дополнительных мерах по усилению охраны природы...», которое обязало Академию наук разработать «Типовые положения» для различных форм особо охраняемых территорий, в частности, заповедников и заказников. Была, создана специальная комиссия, которую возглавил, конечно же, академик В.Е.Соколов, директор ИЭМЭЖ, он же завкафедрой биофака МГУ, председатель ряда иных научных советов и прочая... Он призвал на помощь и Главохоту, и нашу ЦНИЛ; на Шалыбкова и меня возложили разработку положений о заказниках, а заповедники достались в первую очередь В.В. Криницкому, хотя он приглашал на обсуждения и других, включая автора этих строк.

Поначалу мне казалось, что появилась реальная возможность создания очень важных документов, которые на долгие годы не только определят научную деятельность наших заповедников, но и обеспечат их подлинную неприкосновенность, полное изъятие из хозяйственного пользования. Но прагматичный Василий Васильевич повернул дело по-своему. Он составил такой документ, первыми параграфами которого в заповедниках буквально ВСЁ запрещалось, а последующими — разрешалось. Допускались, хотя и с оговорками, всевозможные хозмероприятия: «восстановительные», «ветеринарные», «противопожарные», «санитарные», причём на усмотрение начальства, по принципу «что хочу, то и ворочу». Демагогия и двоемыслие царили в этих разработках. Я пытался отстоять обязательное выделение в заповедниках обширных мест, в каких не допускается никакого вмешательства человека, вплоть до запрета научных исследований. Иные коллеги возражали, считая, что нельзя вводить принципы зонирования, дескать, «весь заповедник должен быть заповедником». На самом деле так не было никогда и нигде, для своих нужд приходится и дрова рубить, и сено косить, но для этого отводили лишь приграничные участки.

У многих ученых, не говоря уже о чиновниках, сама идея строгой заповедности, полного невмешательства человека в природу вызывает яркую неприязнь. Материалистическое мировоззрение, присущее всему советскому обществу, воспитало стремление к управлению природными процессами, активному их изменению (поэтому, кстати, и восторжествовал Мантейфель над Скалоном). В.В. Криницкий боялся слова «невмешательство в природу» как огня, он считал, что в таких условиях мы получим вместо райских заповедных куш «эталон деградации». Но почему заповедники обязательно обязаны быть красивыми? Это приборы измерения пульса планеты, барометры биосферы, а вовсе не образчики земных прелестей.

* * *

У меня было двое знакомых депутатов, благодаря которым я мог получить пропуск в Думу — писатель Еремей Данилович Айпин и журналист Анатолий Николаевич Грешневиков. Первый из них сам пригласил меня, пытаясь отразить в новом Законе привилегии малых народностей на право владения участками своих родовых угодий (из этих попыток тогда ничего не вышло, лишь позднее удалось провести Указ о землях традиционного природопользования). Оказавшись в помещении Думы, я разыскал там Грешневику (члена Комитета по экологии) и попросил показать мне проект Закона. «Что Вы хотите к нему добавить? — спросил Анатолий, — я еще могу внести поправку». Я тут же при нём написал одну только фразу: «В заповедниках выделяются участки абсолютной заповедности, на которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы». Грешневиков успел внести её в проект, но в окончательном тексте Закона вместо «выделяются» было сказано «МОГУТ выделяться», что в корне искажало весь смысл. Я спросил Толю, чья же это правка. «Нестеренки, конечно», — было ответом. Именно депутат Валерий Иванович Нестеренко, в ту пору недавно назначенный директором Ханкайского заповедника в Приморье (ранее он успешно руководил кирпичным заводом), значился председателем комиссии по разработке этого закона.

* * *

За рубежом нет заповедников нашего типа — вот в чем дело. Их национальные парки и заказники широко используются и для туризма, и для охоты, и для иных целей, тогда как исходной основой наших заповедников всегда был принцип строгой

НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ. И хотя на него замахивались и Сталин, и Хрущев, всё-таки он исподволь соблюдался, хотя бы и с отклонениями. Лишь теперь нашими заповедными ведомствами при активной финансовой поддержке Запада взят курс на замену охраны и постоянного изучения заповедной природы ее ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ в эколого-просветительских, экотуристических и образовательных целях.

* * *

В середине декабря 1999 г. состоялось представительное совещание, организованное на довольно высоком уровне российским представительством Всемирного Фонда Дикой Природы (WWF) для обсуждения новых концепций охраняемых природных территорий. Мероприятие было оформлено по высокому разряду — оно проводилось в каком-то весьма уютном пансионе в Голицыне; заседания шли под водительством некоего полу-председателя, полу-тамады, как бы «дирижировавшего» выступающими. Я чувствовал, что мои призывы к традиционным отечественным понятиям о заповедности (тем более — о принципе невмешательства) не находят понимания и поддержки. Более того, мне казалось, что Евгений Аркадьевич Шварц (он был главным представителем от WWF, где теперь постоянно работал) пригласил меня сюда, чтобы противопоставить излагаемые мной наивные представления из далекого прошлого более приемлимым нынешним реалиям. Не желая играть далее такую роль, я уехал на второй день, воспользовавшись любезностью и мастерством Минаевой, которая стремительно домчала меня до Москвы на своей «девятке».

* * *

«Охраняемые природные территории оказываются узловым звеном локальных моделей устойчивого развития в системе: промышленные предприятия — населенный пункт — ООПТ. Принципиальное значение система ООПТ имеет и для развития экосетей, кадастрирования и зонирования земель, как основ для обеспечения рационального природопользования региона».

Эта фраза сейчас выписана из опубликованных материалов рабочей группы, читать её тягостно, но ведь все это говорилось с трибуны как часть НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ООПТ в XXI веке, предложенной Всемирной комиссией по охраняемым природным территориям Международного Союза Охраны Природы в 2000 г. Суть этих новшеств представлена такой схемой.

ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

ТАК БЫЛО	А ВОТ ТАК ДОЛЖНО БЫТЬ
Они противостояли людям	Создаются самим местным населением
Инициатива от правительства	Инициатива многих + местных властей
Цель — охрана дикой природы	Социальные и экономические задачи
Действуют отдельные объекты	Развитие систем и сетей (национальных и международных)

Ребята, опомнитесь! Вся правая («прогрессивная») сторона схемы представляет собой образец типичной советской демагогии, в соответствии с которой разрушались наши заповедники. «Все во имя человека, всё для блага человека», где же здесь охрана природы? Конечно, хозяйствовать нужно разумно, рачительно, рационально, ограничивая непомерные свои потребности, но лучше иметь один подлинный заповедник, полностью изъятый из всякого пользования, чем обширную сеть псевдоохраняемых объектов, решающих «социально-экономические задачи». Заповедники-то ДЛЯ людей, но лишь в плане духовном, в материальном же — только ОТ них.

Открываю наугад программу семинара и читаю: «Реалистичность получения высоких доходов от рекреационной деятельности, связанной с ООПТ и получения значительных инвестиций подтверждается данными о доходах, приносимыми природоохранными организациями в других странах. Так, например, в Китае общая прибыль от экологического туризма составила в 1991 году около 30 миллиардов долларов США». В подтверждение ссылка на автореферат диссертации Чжан Гуаншэн «Экологический туризм и его роль в сохранении окружающей среды охраняемых природных территорий на примере заповедника Чанбайшань, провинция Цзилинь, Китай». Вот еще один довод этого диссертанта: «один пункт по сбору грибов может обеспечить годовой доход в 300 тыс. долларов США». Убедительно? Но меня пугает вовсе не превращение заповедников Китая в грибоварни (это ихнее дело), а то, что руководителем диссертанта является наш профессор А.А. Тишков (он, между прочим подарил мне этот автореферат), возглавляющий у нас группу ГЭФ по биоразнообразию, он видит в этом китаёзе ориентир и маяк, на который нам надо равняться. «Нет, ребята, всё не так!» Для подье-

ма экономики и благосостояния (даже путем сбора грибов и экотуризма) нужны спецхозы, а не ООПТ, между ними никогда не было и будет разницы при такой постановке проблем, а вот заповедники могут существовать только за счет поддержки извне (бюджетных средств государства или благотворительной щедрости), но только не на гибельном для них самообеспечении. Верно сказал на том же семинаре директор Саяно-Шушенского заповедника Александр Рассолов (чем-то напоминает он мне Прохора Громова из шишковской «Угрюм-реки»): «Если государству нужен заповедник как строго охраняемый объект, то пусть оно его и финансирует, а не заставляет меня искать деньги, чтобы сотрудники могли выживать. А уж если мне самому обеспечивать своих людей, как директору, то не требуйте соблюдения полной заповедности».

Конечно, не от хорошей жизни такая тематика, заповедникам надо как-то приспособливаться к новым формам жизни, а простейший путь к этому — через коммерцию. И мои вздохи о «классических заповедных принципах» воспринимаются как вчерашний день или напрасные рыдания. Собрание опять проходило за городом, и снова Татьяна Минаева увезла меня вместе со В.Б. Степанищким на машине до ближайшего метро. Всеволод Борисович тогда командовал не только сотней заповедников, но и всеми национальными парками. Работников в его управлении совсем немного, большинство подчиненных подразделений действуют сами по себе, бывшее централизованное управление по сути упущено, все держится на отдельных энтузиастах, а их все меньше и меньше. Зато бурно развиваются отделы экопросвещения, его всё чаще сменяет экотуризм, короче говоря, бывшая заповедность уходит в прошлое, сменяясь новыми формами «заповедного хозяйства». Когда-то Малиновский объяснял это плановой системой и принципами социализма, а теперь это происходит на его развалинах...

* * *

Происходил явственный переход от классических отечественных принципов охраны природы к прагматике или даже коммерции в заповедном деле. За шелухой лозунгов и частоколами научных рассуждений понятие о подлинной заповедности хранилось в сердцах и душах самых разных людей, основываясь преимущественно на их ЧУВСТВАХ, прежде всего, разумеется, на чувстве любви к природе и опасении за нее. Именно абсолютная заповедность, наличие участков, куда люди не запускали бы

свои жадные похотливые руки, оберегала природу России, тогда как деятельность заповедников в качестве научных учреждений служила главным прикрытием для этого спасения «от людей для людей». Ни в Европе, ни в Америке, ни в Африке ничего подобного не было, поскольку там действовали иные «рыночные», а не духовно-научные стимулы. Национальные парки призваны обеспечивать общение людей с природой, обслуживать определенные формы туризма (напомним, что туризм был и остается весьма существенным элементом ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, тогда как заповедность основана на прекращении ВСЯКОГО природопользования, включая и туристическое). Нет слов, многие типы охраняемых природных территорий, и в первую очередь — национальные и природные парки — могут и обязаны заниматься экологической пропагандой, экопросвещением, даже экотуризмом, но всё это не только не исключает, а, напротив, должно способствовать наличию подлинных неприкосновенных заповедников, защищенных от ЛЮБЫХ людских посягательств.

Сама по себе сущность российского толкования заповедности (о ней можно судить по афоризмам не только из словаря Даля, но и по Библии) относится к сфере духовной, между тем, как последнее десятилетие XX века для России прошло под знаком РАЗРУШЕНИЯ ДУХОВНОСТИ И МОРАЛИ, что вызвано, по моему убеждению, семидесятилетним гнётом лагерного режима (в смысле большого лагеря «социализма, мира и труда»). Мнимый социализм, миновав стадии «развитого» при Брежнев и Андропове, явно угасающего при Черненко и раннем Горбачеве, сменился после ГКЧП настоящей криминальщиной. Собственно, к ней и вело все предыдущее. Народ привык ко лжи и лагерному двоемыслию, к обману ради выживания. Теперь требуется немалый временной период, как минимум смена двух-трех поколений, чтобы преодолеть все последствия советского наследия. Заповедники же являются частью нашего общества и вынуждены претерпевать мучительные трансформации, присущие всему социуму. Реализовать мечты Докучаева, Кожевникова и Талиева о предоставлении участков природы коренным обитателям тех или иных природных ландшафтов не удалось нигде в мире, хотя именно в России, причем даже в годы сталинского тоталитаризма, прилагались к этому довольно большие усилия и кое-где были достигнуты реальные результаты под прикрытием научной деятельности. Практически же принцип строгого размежевания заповедности и хозяйства остался нереализованным, более того, хозяйство диктовало и заповедности, и науке о заповедных тер-

риториях свои жесткие условия, поэтому приходилось отыскивать строго материалистические доводы ради оправдания охраны природы и существования заповедников. Яркий пример тому — тезис Н.Ф. Реймерса о заповедании, как форме вовлечения ОПТ в общесозидательный процесс, в сферу информатики и сбережения экологического баланса, тогда как на самом деле создание заповедников есть прежде всего явление высшего морально-нравственного, а отнюдь не только материально-хозяйственного порядка. Впрочем, душа без тела в реальной жизни тоже невозможна, плоть требует своего...

Надо учитывать, что любая наука, а советская — в особенности, является покорной служанкой той социальной системы, которая ее создает. Только наиболее преданные делу охраны природы такие истинные натуралисты как Лев Капланов, Вадим Раевский или Олег Семенов-Тян-Шанский (перечень можно продолжать) оставили в своих трудах результаты многолетних полевых исследований в условиях подлинно заповедной природы. Большинство же (как и я в Приамурье) прибегало к методам массовых сборов, неизбежно причиняя ущерб окружающей природе.

К сожалению эволюция нашего заповедного дела в конце XX века пошла по пути наименьшего сопротивления, причем именно новые поколения оказались наиболее податливы к искушениям и соблазнам, привнесенным «с другого берега». Нельзя отрицать той или иной конкретной пользы от финансовой помощи, оказываемым нашим охраняемым территориям со стороны различных западных благотворителей, но ничем нельзя оправдать пагубного курса на сближение функций заповедников и национальных парков, на их «конвергенцию», поддерживаемую и государственными ведомствами и представительствами зарубежных фондов. Приоритет науки в заповедниках был официально заменен функциями экопросвещения именно потому, что на просветительские цели средства выделялись гораздо охотнее, нежели на охрану и науку. Что же касается так называемого «экотуризма» в заповедниках, то это уже прямое проникновение деловой коммерции под различными благовидными предложениями и оправданиями. Конечно, все это обусловлено сокращением государственного финансирования, но и «человеческий фактор» играет здесь немаловажную роль. Избегаю развивать эту тему, тем более, называть кого-либо конкретно, памятуя завет классика:

Ходить бывает склизко

По камушкам иным,

Итак, о том, что близко,
Мы лучше помолчим...

Тем не менее, в качестве лишь одного конкретного примера приведу цитату из научной монографии, выполненной на знакомом мне острове Врангеля, ценнейшем арктическом заповеднике страны.

«Сам заповедник к своему 25-летию (т.е. к 2000 г — Ф.Ш.) из действительно научной организации превратился в преимущественно коммерческую, с основными заботами о проведении очередных коммерческих киносъемок для получения денег, необходимых для организации следующих аналогичных съемок» (М.С. Стишов. Остров Врангеля — эталон природы и природная аномалия. — Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2004).

Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле*

Наше заповедное «древо» выросло из трех основных корней: материального, научного и этического. Об этике и эстетике охраняемых территорий неоднократно писали и говорили Г. А. Кожевников, Андрей и Вениамин Семеновы-Тянь-Шанские и другие основоположники отечественного заповедного дела. Но в советский период основное внимание уделялось материальным и научным аспектам, тогда как этические почти не затрагивались. Только в самое последнее время, на фоне общеизвестных общественных перемен, в частности, в условиях гласности и при заметном возрастании роли церкви, морально-этической стороне заповедного дела стали уделять серьезное внимание. Приведем несколько цитат в подтверждение этого.

«Наша отечественная защита природы становится все менее духовной, чистой и все более прагматичной... Над нашей природоохраной довлеет меркантилизм, марксизм, антропоцентризм и комплекс двойных стандартов. Отечественная идеология охраны

*Опубликовано: Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты. Материалы международной школы-семинара «Трибуна-8». — К.: КЭКЦ, 2002. — С. 7–12.

природы заблудилась и никак не может выбраться из чащи сомнительных лозунгов и мифов эпохи развитого социализма типа «рационального использования природных ресурсов на благо народа»... Как попугай мы заученно повторяем байку, что заповедники создаются для науки, а чтобы полюбить природу — ее нужно изучить (во что давно уже никто не верит), и одновременно стесняемся или боимся признаться в своих ощущениях дикой природы как священного пространства. Мы по-прежнему слепо верим в полицейские и экономические меры защиты природы и не задумываемся о ее нематериальных духовных ценностях» (Борейко, Поминова, 2000, с. 5).

Наука и экологическая этика, повторимся, должны не противостоять, а естественным образом дополнять друг друга. Изучение природы есть своего рода как бы оправдание мнимого «изъятия» заповеданных земель из хозяйственного оборота (на самом деле, как показал Н.Ф. Реймерс, это только иная, совершенно особая форма природопользования «от людей — для людей»). В идеале же в заповеднике может не быть ни охранников, ни наблюдателей, конечно, при условии, что туда не проникнут нарушители — картина пока что явно утопическая, но надо помнить, что идеалы создаются не для немедленного воплощения в жизнь, а лишь для обозначения избранного пути (в данном случае идеал АБСОЛЮТНОГО заповедника).

Здесь уместно коснуться темы о религии, самым теснейшим образом связанной с этикой. Вот что писал православный священник А. Мень: «Господь привлекает наше внимание к окружающей нас природе, в которой так много есть уроков, в которой заключена Божественная мудрость и Божественная красота... Господь говорит нам: «присмотритесь, оглядитесь вокруг себя — многому природа может научить человека!» Прежде всего, она наша мать и сестра, она тоже вышла из рук Творца, и мы, глядя на прекрасные творения, прославляем Того, кто их создал... И когда человек научается так смотреть на это, его сердце как бы постоянно находится перед великой иконой природы». Эта глава из проповеди евангельских истин так и называется «Природа-икона». В ней утверждается, что красоты природы влекут к себе иных людей гораздо более, чем рукотворные иконы (которые, конечно, следует глубоко чтить). «Среди всех творений нет более прекрасного произведения, чем сама природа. Кто мог создать что-либо более прекрасное, чем восход солнца?.. В часы усталости, душевного угнетения, мрачности, когда бури повседневности душу нашу гнетут, — воспользуйтесь мо-

ментом, пройдитесь, вот рядом, за кладбищем — лес, и сразу с души, как будто живительной влагой, смывается пыльная накипь дня» (А. Мень, 1991, с. 152).

Разве не звучит здесь голос верующего эколога (напомним, что А. Мень, будучи студентом, обучался биологии в Балашихе и Иркутске), разве невозможно включить эти слова страдальца-священника в сугубо научный «Экологический манифест» Н.Ф. Реймерса, который был по натуре своей атеистом (хотя к религии относился уважительно), но искренне ВЕРОВАЛ в торжество человеческого разума, в «экологический императив», в конечную победу добра над злом. Каждый человек «во что-то» ВЕРУЕТ, и это уже само по себе есть свидетельство единства науки и биоэтики.

Одной из ярких разновидностей человеческой веры является чувство благоговения перед дикой (первозданной) природой*.

Это может быть и наивное удивление перед творческой силой Всевышнего, и более материализованным ощущением величия окружающего нас мира, о чем так ярко писал в начале века В.И. Талиев, говоря о природе как «источнике сознательных и бессознательных переживаний ВЫСШЕГО ПОРЯДКА». Красота природы имеет собственную высокую ценность, является особым «духовным» богатством. ЗАПОВЕДАНИЕ с давних времен означает именно такую ВЫСШУЮ, то есть ДУХОВНУЮ форму сохранения особо ценных природных объектов, и это очень наглядно выражено в широко известных выражениях из словаря В. И. Даля (заповедный лес, в котором настрого запрещена рубка, назывался «божелесьем» или «моленным лесом»). Впрочем, определения заповедности давались на Руси и задолго до Даля, о чем наглядно свидетельствует «Лесной журнал» № 9 от 1837 г. (статья Г. Вильдермета «О пользе выдела заказных рощ»).

«Из лесов казенных выделяются заказные рощи в неприкосновенный запас... и тогда рощи сии получают от поселян название ЗАПОВЕДНЫХ. В сем названии заключается для жителей селений НЕЧТО СВЯЩЕННОЕ, ибо рощи, получившие такое

*Провести строгую грань между дикой и «недикой» природой в наше время очень трудно или даже невозможно. Определение «дикости» как полной безлюдности зачастую условно, такие места все труднее найти, в «глуши» подчас могут жить люди, а цветок одуванчика у обочины дороги человек с чистой душой рассматривает как «первозданный», как «Божье творение».

название, согласно предназначению своему, становятся НЕПРИКОСНОВЕННЫМИ... Автор проверял районы Тверской губернии и ни в одной заповедной роще не нашел ни одного срубленного дерева со времени заказа. Крестьяне до них не касаются, название «заповедный» есть для них добрый гений, охраняющий от порубок и иных истреблений». Очень близкие этические основы заповедного дела позднее отстаивал А.П. Семенов-Тянь-Шанский («Свободная природа как великий живой музей»).

Многие философы считают, что ответственность за современный экологический кризис, который проявляется все более явно, несет именно христианская религия, провозгласившая полное господство человека над природой. Этот упрек, увы, относится и к науке.

«Современная наука и техника столь пропитаны ортодоксальным христианским высокомерием в отношении к природе, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них одних. Корни наших бед столь основательно религиозны, что и средства избавления тоже должны стать религиозными по своей сути» — пишет Л. Уайт-младшая (White L. Jr, 1967, цит. по сб. «Глобальные проблемы...», 1990, с. 202), призывая, как и В.Е. Бореико, к своеобразной смене религиозных вех. Этот автор видит главного покровителя для экологов в учении Святого Франциска Ассизского (что и было провозглашено Папой Иоанном Павлом Вторым в 1979 г.), близки к этому неоязыческие призывы Бореико о «священном пространстве» дикой природы. Не менее радикально высказывался на эту тему и Н.Ф. Реймерс: «Совершенно очевидно, что на очереди создание «общечеловеческой» синтетической религии, вернее НАДРЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ, объединяющей все религии мира... Нужна светлая религия добра, без жертв во имя Его... Добро для добра, добро всем! Хватит истязаний!»

На всем этом фоне деятельность Киевского эколого-культурного Центра во главе с В.Е. Бореико в области экоэтики и «природоцентризма» видится нам с позиций экологии и заповедного дела более прогрессивной и правильной по сравнению с доводами его критиков, несмотря на всю их внешнюю рациональную убедительность. Над нами, действительно, довлеет примитивный материализм — весьма тяжкое наследие советского времени, когда все, что выходило за рамки «передового учения» категорически отвергалось. Уже сам факт «крамольной» экоэтической пропаганды школы В.Е. Бореико безусловно весьма значителен и отраден.

Однако, подобно тому, как человек при бессмертной своей душе имеет грешное живое тело, нуждающееся в известных потребностях, так и материалистическая сторона нашей жизни не может быть отвергаема. Наука в заповедниках очень долгое время была главным доводом и основным оправданием их организации и деятельности. Нынешние тенденции преобладания экопросвещения, экопропаганды и экотуризма ведут лишь к весьма опасной конвергенции и подмене заповедников национальными парками. Последние сегодня в общественном плане более значительная форма ООПТ, чем заповедники, но подменять одно другим совершенно недопустимо (это тема другая, хотя и очень серьезная).

У каждой палки два конца, но истина обычно располагается посередине. Нельзя переходить определенные грани в полемике, надо уважать оппонентов, выслушивать их, стремясь найти пользу в некоем промежуточном равнодействии. Научные и этические аспекты в заповедном деле должны быть уравновешены в интересах нашего единого дела и общего дома-экоза.

Как феникс из пепла*

В советской литературе имеется немало высказываний о крайней теоретической слабости заповедного дела (это не раз звучало и в резолюциях различных конференций), но на самом деле такое утверждение представляет собой не более чем один из мифов эпохи социализма. Теория и принципы заповедания участков природы с научными целями были созданы в дореволюционной России трудами наших классиков (Докучаева, Кожевникова, А. и В. Семеновых-Тянь-Шанских и др.), развитыми в последующий период (в СССР и РСФСР). Не приходится удивляться тому, что классические принципы заповедности неоднократно подвергались самым интенсивным нападкам, они ревизовались и даже официально запрещались, причем по мотивам политическим, а не научным. Представления о подлинной заповедности, как правило, становились оппозиционными по отноше-

нию к официальным установкам и к взглядам широких слоев общества как в царской России, так и в Советском Союзе. Проще всего было бы объяснить это, противопоставляя заповедность как некое «отсталое», «консервативное» начало общественному и техническому прогрессу (лысенковцы в таких случаях говорили о покорении природы, а их нынешние продолжатели предпочитают рассуждать о ее преобразовании и «обогащении»; оппонентов же называли либо «буржуазными лжеучеными», либо «идеализаторами природы»). Однако же проблема сложнее. Это становится очевидным, если обратиться к философским и морально-этическим корням теории заповедности.

Глубинный смысл понятия о заповедности наиболее полно отвечает такому типу отношения людей к окружающему миру, когда человек ощущает этот мир и свое бытие в нем как благо, относится к нему любовно, без желания что-либо изменить или исправить (философы называют данный тип «иоанновским» — от Евангелия по Иоанну). «Иоанновский» мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок..., хочет восстановить всю ту гармонию, которую он чувствует в себе. Так ощущали первые христиане и большинство славян, особенно русских.. Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, не ищет разобщенное, чтобы его соединить. Им не движут чувства подозрения и ненависти, он полон глубокого доверия к сущности вещей» (Лосский, 1991, С. 244). Этому мировоззрению соответствуют различные оттенки философских учений о нравственном самоограничении, а также об экологической этике (Г. Торо, Л. Толстой, А. Швейцер и др.).

Противоположный тип отношения человека к бытию, именуемый «прометейским» или «героическим», характеризуется отрицательным восприятием мира как царства тьмы и хаоса, «который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Секуляризация (отход от религии — Ф. Ш.) — его судьба, героизм — его жизненное чувство, трагика — его конец. Таковы романские и германские народы». Далее Н.О. Лосский писал, что «большевистский режим есть пародия на прометеевский дух.. Он вызывает в русском народе ужас, отвращение и рост религиозности. Поэтому можно надеяться, что после падения большевистской власти иоанновский дух русской культуры восстановится и будет иметь благотворное влияние на все человечество» (Там же, С. 245).

*Опубликовано: Историография российских заповедников (1895–1995). — М.: ТОО «Логата», 1996. — С. 308–313.

Реальность однако же показывает, что философ-эмигрант (он был выслан Лениным за границу в 1922 г.) недооценил влияния «прометейства» на Россию и русский народ. Идеи всяческого переустройства и реорганизации пустили глубокие корни именно в российской земле. Пассионарии-прометейцы жаждут преобразований и в природе, и в обществе, это бунтари и революционеры, разрушители былой веры, воинствующие материалисты, жаждущие быть «покорителями стихий». Они хотят повернуть реки вспять, поставить на них плотины-тромбы, превращая плодородные земли в затхлые «водогноилица», не желают видеть даже захламленную тайгу с гнусом (об этом не раз писал академик Е. Федоров) или «бесплодную» тундру. Их любимые глаголы «обуздать», «переделать», «регулировать», «управлять»...

Парадоксален уже сам по себе факт возникновения научных заповедников в тоталитарном советском государстве, основанном именно на таких сугубо материалистических и атеистических принципах. Большую роль здесь сыграл фактор «социальной мимикрии» («защитной окраски» по Вайнеру), когда энтузиасты заповедного дела сумели представить свои идеи и принципы вполне соответствующими основным установкам новой системы, окружить их ореолом материализма и дарвинизма, обосновать необходимость сохранения эталонов первозданной природы в целях содействия социальному благу новорожденного общественного строя.

Явственные признаки мессианства и всего того, что мы сегодня называем «экологическим мышлением», легко увидеть и в приведенных ранее высказываниях В.В. Докучаева (сына сельского священника из Смоленщины), и в большинстве работ Г.А. Кожевникова, связанных с научным заповеданием. Уместно заметить, что старший брат ученого, Владимир Александрович Кожевников, взявший на себя обеспечение учебы младшего брата в Москве, был своеобразным и независимым религиозным философом, проявлявшим особый интерес к проблемам «прекрасного в природе» (Лосский, 1991а, С. 346). Можно предположить, что его мировоззрение оказало серьезное влияние на формирование взглядов Г.А. Кожевникова (среди работ В.А. известна и такая как «Дарвинизм и витализм»).

Теория заповедности с биологических позиций опирается на представление об экологическом равновесии и способности живой природы к самоорганизации, если человек не оказывает на нее прямого воздействия. Отсюда и представление о природном эталоне, о пресловутом «принципе невмешательства», о запове-

дании первозданных («девственных») участков природы, принимаемых за точку отсчета при хозяйственных преобразованиях (тот же принцип провозглашался и Докучаевым). Путем больших личных усилий Кожевникову в двадцатых годах удалось убедить соответствующие государственные подразделения Наркомпроса РСФСР принять его концепции при закладке системы советских научных заповедников. Несмотря на все дальнейшие потрясения, вынужденные компромиссы и прямые искажения, эти классические основы теории заповедности удавалось сохранить до самого последнего времени. Они получали поддержку от различных научных сфер, прежде всего, Академии Наук СССР и РАН, от международных инстанций, особенно в программах МБП и МАБ, и в целом прошли испытание временем, хотя и претерпевали искажения под воздействием общественно-политических факторов (акклиматизация чуждых видов в 30-х годах, узко-практическая направленность заповедной тематики в 50-х, намеченная «смена приоритетов» в настоящее время и т. д.).

Необходимо подчеркнуть, что именно российской науке целиком и полностью принадлежит приоритет в теории научного заповедания. Ни одна страна в мире не создавала заповедников на принципе полного невмешательства человека в природные процессы с предоставлением самой природе определенных возможностей для самотворчества. Напомним, что экологи называли наши заповедники «лабораториями природы» (а не «в природе», как чаще пишут теперь). Здесь надо видеть не только глубокий научный смысл, но и высокий морально-этический аспект. Характерно, что практичные американцы, создав очень хорошо организованную систему национальных парков, резерватов и даже территорий дикой природы («wilderness area»), не смогли выделить участков абсолютной заповедности (Прилепский, Яницкая, 1995, устные сообщения ряда лиц). Поэтому недаром на первой стадии советско-американских научных контактов в 70-х годах «они» завидовали нам, знакомясь с нашими заповедниками, и только теперь, когда деятелями Минприроды РФ и СоЭС была взята установка на «конвергенцию» заповедников национальными парками, ситуация зеркально изменилась. Наши чиновники возят в Штаты директоров заповедников, чтобы перенимать чужой опыт (вместо передачи собственного).

Изученные нами материалы по истории и эволюции заповедного дела в России, РСФСР и РФ убедительно свидетельствуют о том, что первоначальные заветы В.В. Докучаева и Г.А. Кожевникова о выделении заповедных участков для предоставления

их в пользование «исконных обитателей», о заповедниках как подлинных эталонах природы, полностью исключенных из всякого воздействия человека, чаще всего оказывались невоплощенными, поскольку входили в противоречие с реалиями жизни. Однако же это вовсе не означает полного отказа от этих принципов, ибо реализация их все же возможна, хотя и на определенных условиях, с определенными оговорками.

Наша работа, кратко говоря, посвящена тому, как высокая идея «заповедания с научными целями» была искажена социалистической государственной системой и разного рода «прометейцами», осуществлявшими конкретные задачи материалистического плана, превратившими подлинное заповедание в «заповедное хозяйство» или в советские научно-исследовательские учреждения низшего разряда. Понятие о заповедности постепенно сменилось своеобразным «природоохранным производством», осуществляемом не столько в интересах живой природы и всех ее обитателей (включая и человечество!), сколько ради многочисленной когорты заинтересованных специалистов. Высокое и даже в полном смысле слова СВЯТОЕ ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО из служения возвышенным идеалам превратилось в «ДЕЛО ЗАПОВЕДНОЕ», своеобразный бизнес на особо ценных природных территориях, сулящий реальные земные блага тем, кто этим занимается.

«Я считаю, — говорил в недавней беседе с корреспондентом один из современных продолжателей идей В. И. Вернадского, академик Н. Н. Моисеев, — что, по большому счету, мы подошли к новому этапу антропогенеза. ДОЛЖНА, И ОЧЕНЬ СКОРО, ПРОИЗОЙТИ КОЛОССАЛЬНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ВСЕЙ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» (Н. Моисеев, «Заповедь новая — семь раз отмерь», «Общая газета», № 32, август 1995, выделено нами).

Возможности нынешней цивилизации по мнению ученого сегодня исчерпаны. Или она исчезнет, или произойдут коренные изменения, причем не только технологического, но и — что гораздо важнее! — нравственного порядка. О гибельности развития антропогенеза в его нынешней форме, называй его хоть устойчивым, хоть стабильным, сказано уже немало, это не нами придумано. Шагать ли проверенной дорогой «капитализма» с его пепсикольной культурой, или уныло брести туманными тропами «коммунизма» при планово-карточной системе — все это пути к пропасти. Выход видится только в спасительной экологической альтернативе, предполагающей коренное изменение взаимоотношений между людьми и природой, подлинную, а не

И.И. Шишкин. Утро в сосновом лесу. 1889

мнимую смену приоритетов. И многое из того, что сегодня представляется «идеализацией природы», а то и сущей идеалистической утопией, завтра может стать привычным и естественным.

Не станем ни вразумлять, ни пророчествовать. Высказывая свои взгляды, автор вовсе не претендует на абсолютную истину. Реалистический прогноз на ближайшее будущее, разработанный ведущими специалистами нашей природоохранной науки, читатель может посмотреть в приложении 2 к предыдущей главе. Мы же лишь выразим надежду на то, что в новой «экологизированной» стадии антропогенеза подлинные принципы заповедности, идеи консервации участков природы от прямого вмешательства людей восприняты как Феникс из пепла и будут воплощены в действительности. Да, история доказала нам, что в двадцатом веке эти замыслы потерпели поражение в неравной борьбе с рационализмом, поддержанным государственной системой и общественным устройством. Вся наша книга есть тому наглядное свидетельство. С подлинной (т. е. абсолютной) заповедностью боролись не только запретами или официальными государственными «установками» сталинско-хрущевского периода, не только противопоставляя охране природы «заповедное хозяйство», «пролетарский туризм», «плановую рекреацию» и т. п., но и более изощренными способами. Среди них и принцип «обогащения природы» (плохо замаскированный вариант ее покорения!), и «разумная регуляция», и «управление биоценозами», и «экотуризм». Но за всем этим наукообразием стоит элементарная человеческая жадность и желание изменить окружающий мир в угоду своим растущим потребностям. Между тем вся теория заповедности заключена в принципе «отойди и не трогай», а это в корне противоречит законам современной техногенной цивилизации, в том числе и преданной ей науке.

Пусть скажут, что автор не дал научного обоснования своим взглядам, что они противоречат общепринятым, пусть назовут идеалистом или «идеализатором». Таким критикам можно ответить известными словами Маяковского: «заходите через сто лет, тогда и поговорим». Ведь книги всегда умнее своих авторов и гораздо дольше живут.

Не перейти грань!*

Может быть, и не стоило бы сегодня возвращаться к материалам, относящимся к середине 1997 г., когда в национальном парке «Смоленское Поозерье» состоялся российско-американский семинар «Особо охраняемые природные территории и экологический туризм» (резолуция опубликована в газете «Заповедный вестник», №8(32), 1997 г.), если бы не ряд новых, более поздних событий, непосредственно связанных с этой темой.

Основным принципом этого семинара, судя по резолюции, было окончательное размывание граней между заповедниками и национальными парками, для чего первым же пунктом резолюции предлагалось внести изменения и дополнения в Федеральный закон РФ «Об особо охраняемых природных территориях», в частности «однозначно» (слово, давно получившее иронический оттенок) отнести познавательный туризм к «числу» (?) направлений эколого-просветительской деятельности госзаповедников, предусмотреть взимание платы за их посещение, установить возможность сдачи заповедниками основных фондов в долгосрочную аренду сторонним организациям с оставлением арендной платы в полном объеме в распоряжении заповедников. Для этого рекомендуется подготовить специальный циркуляр главка, разработать соответствующие формы договоров, документов, связанных с ценообразованием, порядком оказания различных услуг и т.п. Далее предлагается создать специальное туристическое агентство, постоянную всероссийскую ярмарку ландшафтного туризма, выделить средства для создания основ инфраструктуры экотуризма на территориях как национальных парков, так и заповедников.

Явным диссонансом этому стройному гимну коммерциализации заповедников звучит лишь заключительный пункт о Кроноцком заповеднике с его «Долиной гейзеров», по-видимому добившемся в этом деле особых успехов.

Людей нашего поколения, повидавших на своем веку немало всевозможных зигзагов и перемен, которые неизбежно сказывались на заповедном деле, трудно чем-нибудь удивить, и поэтому указанный документ не стоит принимать слишком близко к

*Опубликовано: Охрана дикой природы, 2001. — № 3. — С. 28–29 (совместно с В. Тихомировым).

сердцу — это далеко не первое покушение на отечественные основы заповедного дела, которому семинары официально предлагают перейти на новые рельсы (пункт 6, предлагающий всемерно использовать опыт национальных парков США, созданных в иных общественно-исторических условиях и на других принципах).

Более двадцати лет назад, работая с Николаем Федоровичем Реймерсом над нашей книгой об особо охраняемых природных территориях, мы более всего опасались двух угроз:

1) размыва границ между ООПТ и «просто» территориями, используемыми в хозяйственных целях;

2) слияния наших заповедников со своими «младшими братьями» — национальными парками и заказниками.

При этом мы уже тогда признавали, что национальные парки играют более значительную общественную роль по сравнению с заповедниками, создаваемыми прежде всего в интересах науки. К сожалению, жизнь показала: опасения были не напрасны, особенно в отношении заповедников. Благодаря не только воздействию ряда объективных факторов, но и усилиям многих конкретных лиц (не будем их перечислять, но и не предадим забвению), тенденция подмены госзаповедников парками, стремление к всемерному сближению их изначально различных функций приняла характер почти официальной государственной политики. Это подтверждается новейшими изданиями Главного управления заповедного дела Госкомэкологии РФ и Центра охраны дикой природы.

В недавно изданном «Комментарии к Федеральному закону «Об особо охраняемых природных территориях» (М., 1997) их автор, начальник заповедного главка В.Б. Степаницкий, сообщает, что «значительное количество заповедников проявляет интерес к развитию эколого-туристической деятельности. 39 заповедников определили на своей территории экологические тропы и маршруты, кроме того, еще 6 определили их только на территории охранной зоны». В ранее изданном методическом пособии «Дополнительные источники финансирования государственных природных заповедников...» (Степаницкий, Мазманянц, 1997) не только даются конкретные указания о взимании платы за посещение заповедной территории (с. 112–115), но и имеются такие разделы, как «Реализация научной продукции, полученной в ходе лесохозяйственных, регуляторных и научных мероприятий» (с. 204–206), «Взимание платы за путевки на право охоты и рыбной ловли» (с. 201–211), «Плата за услуги проводни-

ков, гидов, экскурсоводов» (с. 132) и т.п., как говорится, и т.д. Таким образом, похоже, что авторы изложенной выше смоленской резолюции об экотуризме просто ломились в настежь открытые двери...

Мы хорошо осознаем, что жизнь есть жизнь и что во всех наших заповедниках была и будет определенная хозяйственная деятельность, но вот авторский эпиграф к этому пособию «Время было такое — с времени и спрашивайте» (из Ю. Трифонова) вызывает большие сомнения. Живые люди — особенно те из них, кто облечен разной степенью власти, — они-то и определяют собой то или иное время, формируя конкретными поступками ход истории. Недаром многие современные ученые и писатели все чаще рекомендуют принять в качестве общенациональной идеи самые простые, сугубо человеческие законы соблюдения совести и чести. Причем это касается как государства со всеми его структурами, так и каждого гражданина страны.

Думается, что не станут наши заповедники ни объектами «познавательного» туризма, ни доходной статьей госбюджета. Изначально присущий им здоровый консерватизм не позволит этого допустить. Регулярно просматривая телепередачи о национальных парках США, Африки, Индии и других стран, я все более и более убеждаюсь в коренных отличиях наших заповедников от всех других типов охраняемых территорий мира (хотя об этих проблемах, конечно, немало). Нет никаких возражений против использования зарубежного опыта во многих случаях, и прежде всего — для развития системы национальных парков, предназначенных как для охраны природы, так и для общения с нею людей. Но нельзя переходить давно и четко выраженную грань между парками и заповедниками — это губительно и для природы, и для всех нас. Всегда надо помнить, что любой туризм есть хозяйственная деятельность, в заповедниках же она буквой закона должна полностью прекращаться. А исключения пусть подтверждают правило.

Нет экотуризму в заповедниках*

Не только каждый подлинный эколог, но и всякий юрист, знающий наши законы, подтвердит тот непреложный факт, что любые виды туризма (в том числе и «экологический», хотя сам термин «экотуризм» вызывает большие сомнения) представляют собой совершенно определенные формы ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. И как ни толкуй, как ни заворачивай эту простую и горькую истину в экологические облатки и фантики, суть дела от этого не изменится. А ведь «экотуризм», как можно прочитать в тех же «Заповедных островах», «есть часть экологического просвещения», и вывод отсюда напрашивается сам собой. Недаром такой страстный приверженец экопросвещения как В. Борейко ПЕРВОЙ ошибкой в этом деле считает «активное использование туризма и школьных лагерей на базе заповедников», а ТРЕТЬЕЙ (из десяти) «формальный, неадаптированный перенос экопросветительного опыта американских национальных парков на наши заповедники». Полностью соглашаясь с этим, нужно еще подчеркнуть огромную и принципиальную разницу в отношении к природе со стороны вполне обеспеченных, традиционно законопослушных американцев и населения нашей страны. Слишком уж разный у нас, как принято теперь говорить, «менталитет», обычаи и привычки. Первые привыкли к праздному отдыху на лоне природы, любованию ее красотами (подчас из своих автомобилей), а вторые без ружья, удочки или корзины для сбора лесных «даров» вообще в лес не ступят.

ЛЮБОЙ ТУРИЗМ В ЗАПОВЕДНИКАХ НЕДОПУСТИМ И ПРОТИВОРЕЧИТ НАШИМ ЗАКОНАМ, ибо там должны прекращаться ВСЕ формы хозяйственного пользования, здесь просто нет почвы для обсуждений и дискуссий.

Другое дело, когда проблема ставится так, как на развороте «Заповедных островов» (вынесено в аншлаг) «Экотуризм и ООПТ — совместимость или полярность?» Такая формулировка вопроса просто наивна или скорее лицемерна, ибо полностью НЕСОВМЕСТИМ ЛЮБОЙ ТУРИЗМ ТОЛЬКО С ЗАПОВЕДНИКАМИ, тогда как со ВСЕМИ ДРУГИМИ охраняемыми природными территориями, включая национальные и природные парки, безусловно совместим, хотя и в разной степени.

*Опубликовано: Гуманитарный экологический журнал, 2004. — Т. 6, вып. 1. — С. 19–20.

Возможности туризма — в самых разных его проявлениях — для России поистине неограниченные, и это подтверждается несколько оригинальной, но интересной статьей Б. Пестрякова в «Природно-ресурсных ведомостях», где автор предлагает придать статус «свободных туристических территорий» обширным пространствам Сибирского Севера и Дальнего Востока. В самом деле, настоящий любитель дикой природы стремится вовсе не в строго закрытые научные лаборатории, которыми должны быть «по идее» наши государственные заповедники, ему хочется «на волю, в пампасы», ему не нужны эконоаставники, проводники и надзиратели. Если же турист действительно хочет углубить свои познания в экологии, что ж, прекрасно, милости просим в национальные и природные парки, судьбой и законом предназначенные для общения людей с природой (за исключением заповедных участков или зон, разумеется!). Здесь и экологические тропы, и музеи природы, а кое-где, возможно, и территории ограниченного природопользования для сбора грибов и ягод, купания, даже и рыбной ловли. Правда, на примере столичного нацпарка «Лосиный остров» (живу на его окраине) можно с горечью убедиться в полнейшей беспомощности наших реальных экопросветителей — столь убоги выставленные в людных местах аншлаги, призывы и вывески, хотя уж здесь-то имеются все возможности для подлинной и убедительной экопропаганды.

Не стоит скрывать того, что так называемый «научный» или «экотуризм» в наших заповедниках есть следствие великой нужды, невнимания государства к передовому краю охраны природы. Но нельзя же кривить душой, выдавая черное за белое, нельзя хитрить и лицемерить, получая иностранные гранты за пользование заповедной природой. Жизнь есть жизнь, и всякое в ней бывает. Был период, когда посещение знаменитой долины гейзеров в Кроноцком заповеднике решили строжайше запретить. Однако люди все равно стремились туда сквозь все природные препоны и любые запреты (избранных сам же заповедник возил, конечно, вертолетами), и долго так продолжаться не могло. Есть простое правило — нельзя заповедовать, полностью закрывать от населения такие достопримечательные места, которые как бы предназначены для любования ими. Заповедники есть ЭТАЛОНЫ ландшафтов, а НЕ МУЗЕИ В ПРИРОДЕ, для последних существуют иные формы ООПТ. Это не значит, что нужно немедленно изъять Долину Гейзеров на Камчатке или красоты Карадага на юге Крыма из границ соответствующих заповедников (теория не всегда согласуется с практикой), но СТАТУС этих

уникумов природы должен отличаться от строго заповедного. То же самое со знаменитыми красноярскими «Столбами», которые НИКОГДА не были и не будут заповедными, они существуют на режиме природного парка.

«Помни праотцов — заповедного не тронь!»*

Миновало более пяти лет после публикации полемической статьи известного знатока проблем охоты и охраны природы доктора биологических наук В.В. Дёжкина «Назойливые проблемы (к концепции заповедного дела)» в 3-4-м номерах журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1999 г. Впрочем, острота заповедных проблем и забот за это время только возросла. Помнится, профессор А.Г. Банников советовал коллегам писать о заповедниках только «самое хорошее», чтобы у власть имущих с этим понятием были связаны исключительно положительные эмоции. Не то теперь, когда заповедники стали для нас сплошной болью и бедой, оставаясь тем не менее последней опорой реальной охраны природы. «Заповедники — это наш Сталинград!» — провозгласил знаменитый журналист-эколог Василий Песков, даже обращавшийся к Президенту страны с воззваниями на эту тему (правда, ответа он, увы, не получил, зато откликов читателей оказалось множество).

В.В. Дёжкин предложил по сути классифицировать наши заповедники и режим этих учреждений в зависимости, главным образом, от состояния природных комплексов и их нарушенности антропогенной деятельностью. В самом деле, каждый из 100 ныне официально существующих заповедников самобытен и неповторим, их разнообразие (как природное, так и по своей общественно-культурной значимости) исключительно велико. Но ведь именно это и не дает возможности осуществить рекомендуемую автором дифференциацию, хотя такого рода предложения имеются в научной литературе по заповедному делу (от Д. Соловьева до О. Гусева и С. Стойко). Дело в том, что один и тот же заповедный объект, как правило, совмещает в себе признаки са-

мых разных категорий — он может быть в какой-то своей части эталоном природы, в другой представлять участки, нарушенные человеком, в третьей эти признаки как бы сливаются воедино... Оппоненты В.В. Дёжкина (К. Филонов и др.) не раз возражали ему из опасений, что всякая «перетряска» в наших условиях неизбежно ухудшает реальное положение дел («хотелось как лучше, получилось как всегда»), но это лишь одна сторона медали. Другая причина в том, что такого рода консерватизм более соответствует классическим понятиям о заповедности, тогда как стремление к различным усовершенствованиям, «упорядочению» и — особенно! — рациональному регулированию (управлению) природными комплексами в принципе враждебно подлинной охране природы. Здесь мы неизбежно переходим от прагматики материализма (которым от начала до конца проникнуты все работы уважаемого В.В. Дёжкина) к явному идеализму и духовно-поэтической сфере. До недавних пор превосходство первого подхода признавалось однозначно и полностью, но сейчас ситуация изменилась, свидетельством чему, например, выступления В. Борейко в защиту прав и свобод дикой природы самой по себе. Крайности всегда опасны, но нельзя отрицать значимость морально-нравственных основ российских постулатов заповедания природы, главным признаком которых является великий и ужасный принцип неприкосновенности. Его можно отрицать и отвергать любыми научными доводами, но это ни к чему не приведет, ибо формула «заповедного не тронь» лежит вне рационального пространства, «заповедность проходит через наши души» (кстати, эти слова принадлежат одному священнослужителю — бывшему работнику Кавказского заповедника).

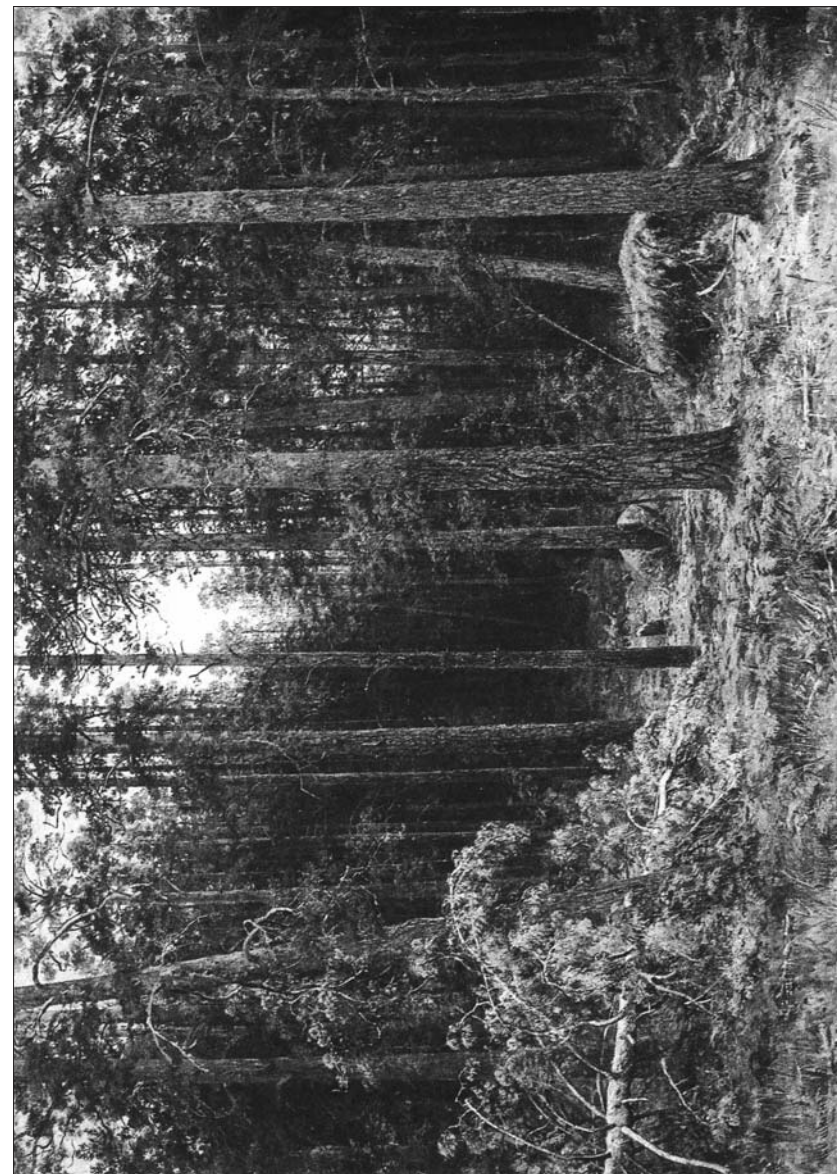
В недавних статьях В.В. Дёжкина, А. Исаева, В. Пескова перечислено немало бедствий, присущих современному заповедному делу. Авторы приводят много ценных указаний и советов для выхода из нынешней тяжелой ситуации. Конечно, заповедникам нужны и надежное ведомственное управление, и достойное государственное финансирование, но все-таки основные первопричины нынешнего кризиса лежат не в этом. Их определяет, прежде всего, принятый в начале 1990-х гг. официальный курс на замену основ отечественного заповедного дела принципиально иным, присущим тем странам, где по сути никогда не было заповедников нашего типа и где в основе деятельности подобных учреждений лежат не научные или духовные, а сугубо потребительские интересы. Конкретно это выражается сейчас уже не в первоначальной «конвергенции», а в полном стирании граней между за-

*Опубликовано: Охота и охотничье хозяйство, 2005. — № 1. — С. 12–14.

поведниками и национальными парками, в замене примата «заповедной науки» на экопросвещение (кстати сказать, весьма примитивное и убогое, о чем можно судить даже по столичному Лосиному острову) и экотуризм. Как провидчески писал еще в 1996 г. один из наиболее авторитетных в данной сфере экологов проф. Ю.Г. Пузаченко, «разрушение базовых идей заповедания и системы заповедников происходит, по существу, изнутри» (добавим к этому активную поддержку такого процесса зарубежными доброхотами, которые легко и сравнительно дешево находят себе сторонников в лице многих наших экологов и других специалистов). Скажем сразу, что такие парки следует признать более значимой и даже главенствующей формой ОПТ, у них много общего с заповедниками, но гораздо важнее понять их основное различие: парки создаются для общения людей с природой, а заповедники обязаны таковое прекратить во всех проявлениях.

В данных условиях пытаться что-либо оспорить, остановить, а тем более изменить к лучшему практически невозможно. Заповедники есть часть общества и эволюционируют заодно с ним. Поэтому хотелось бы далее отвлечься от сегодняшнего дня с его заботами и для наглядности представить себе сугубо гипотетическую картину из некоего «прекрасного далека», не предопределяя ни его временных сроков, ни даже будущего общественного устройства. Просто вообразить себе, будто свершилось чудо «экологической альтернативы» (по Н. Моисееву, продолжателю великого Вернадского), после коего охрана природы заняла должное место. Однако прежде чем предаться таким мечтаниям, еще два слова полемики с В. В. Дёжкиным, точнее с недавно изданным словарем «Заповедное дело», написанным им вместе с В.В. Снакиным, автором словаря-справочника «Экология и охрана природы» (М., 2000), единственным, где отыскалась статья «Абсолютное заповедание» составленная в тоне скептическом. У двух авторов, при всем их внимании к заповедным делам, такой статьи нет.

Книга «Заповедное дело» (М., 2003, положительная рецензия Ю. Лихацкого в журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 2 за 2004 г.) имеет подзаголовок: «Толковый терминологический словарь-справочник с комментариями». В том, что это издание в целом полезно, нет никаких сомнений, но, пожалуй, было бы правильнее назвать его «информационно-дискуссионным», ибо большинство статей написано в ключе полемическом, когда приводятся разноречивые толкования, из коих читателю предлагается предпочесть то, которое больше нравится авторам. Но где

И.И. Шишкин. Сосновый лес. 1885

гарантия в его справедливости, и «что есть истина?». Поэтому назвать эти тексты и книгу в целом «справочником», на наш взгляд, трудно. Часто упрекая своих оппонентов в субъективности, авторы (во всяком случае первый из них), вольно или невольно грешат этим же, здесь уместно вспомнить совет врачу: «Исцелился сам». Правда, в научных публикациях всегда присутствует элемент личности автора, бросающий отблеск на его деятельность. Зато информативность обсуждаемой книги высока, это ее главное достоинство.

Теперь обратимся к чисто условному «далёко». При всем уважении к нашей на самом деле замечательной и уникальной заповедной системе (имея в виду именно сегодняшние 100 государственных природных заповедников, не затрагивая ничего другого), нет уверенности в том, что она сохранится. Трудно предвидеть, станет ли их меньше или больше, но заповедники будущего надо видеть прежде всего подлинно заповедными, настоящими лабораториями природы, в которых полностью отсутствуют любые формы прямых ее контактов с людьми. Заповедники эти не могут занимать больших площадей, научные исследования ведутся преимущественно с помощью редко проверяемых приборов, аэро- и космических съемок, посещение их строжайше ограничено, никакого туризма и просвещения быть не может. Останутся в прошлом и сами бывшие госучреждения с большими коллективами и неизбежными склоками. Охрана осуществляется извне. Местоположение и деятельность этих сугубо научных заповедников не передается широкой огласке, не афишируется в средствах массовой информации, финансовое обеспечение исключительно бюджетное, предполагаемое ведомство — Академия Наук или соответствующее министерство. Само собой — только государственное землепользование, недопустимость приватизаций. Наряду с заповедниками возможно существование в той же системе биосферных резерватов, включенных в глобальную международную сеть. В них могут иметь место заповедные «ядра» или участки.

Основное звено в будущей системе ООПТ — национальные и природные парки, занимающие довольно большие пространства в зависимости от природно-ландшафтных условий и не зависящие от административных границ (областей или губерний). На землях, принадлежащих непосредственно паркам, обязательно выделяются заповедные объекты, участки или зоны. Примерами расположения национальных парков в Европейской части России могут быть территории известных лесных массивов, таких,

как Усманский бор, Брянские леса, Жигулевские горы. Такие парки видятся самостоятельными государственными организациями, совмещающими в своей деятельности функции как нынешних национальных парков, так и заповедников, то есть они многофункциональны (охрана, просвещение, экотуризм, наука, строго регулируемый бизнес). Государственное управление осуществляет специальное ведомство (Министерство или Комитет), располагающие не только опытными чиновниками, но и научно-методическими учреждениями. Важным условием деятельности этой системы является охрана не только природы, но и всех культурно-исторических объектов (без нынешнего ведомственного деления на природу и культуру, с объединением ВСЕХ «музеев под открытым небом»). Здесь полный простор для просветителей и экотуристов, издателей книг, альбомов и буклетов, различных форм мелкого частного бизнеса, направляемого в интересах общего природоохранного дела. Перспективы развития этой системы во всей стране, особенно же на Крайнем Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, поистине безграничны. Большинство «наших концепций заповедного дела», такие, как значимость ООПТ для местного населения, принципы Севильской стратегии, возможно образования «экосетей» и «экокаркасов», относятся прежде всего к национальным и природным паркам, но не к подлинным заповедникам.

Конечно, «неприкосновенными» могут быть и некоторые «точечные» памятники природы, тогда как основная их часть, равно как все категории заказников, такого строгого режима иметь не будут. Юридически заповедность определяется прежде всего правами землепользования, тогда как национальные парки (как и теперь) сочетают на своей территории участки разного режима, это же касается и заказников, на землях которых хозяйственное использование обычно только регулируется, не прекращаясь.

Насколько далеко все это от сегодняшних реалий, можно видеть даже на примере злободневной борьбы с дачной застройкой подмосковных водоемов. Газеты захлебываются от сообщений о самовольном заселении «заповедных мест», хотя на самом деле в Подмосковье имеется только единственный крохотный Приокско-Террасный заповедник (ни могучее МСХ СССР, ни, тем более Минприрода или Госкомэкология РФ так и не смогли его расширить, несмотря на многочисленные попытки). И вот свежая цитата: «Олег Репченко, эксперт компании «Индикатор рынка недвижимости» также полагает, что решить проблему

можно только экономическим путем: Если человек хочет жить в заповеднике или на берегу озера — пусть живет. Государство может просто установить цену на эту привелегию, расписать условия экологических норм и следить, чтобы они соблюдались» («Известия. 30.07.2004»). В самом деле, все уже позастроили, а вода из кранов литься пока не перестала.

...Рискуя навлечь на себя гнев руководства и коллег по Институту проблем экологии и эволюции РАН, отлично представляя скептическую усмешку деятелей из наших экологических и природоохранных центров и фондов, осмелюсь сказать, что вынесенные в заголовок пять слов из Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля представляются сегодня значительно «премногих томов», созданных нашей наукой и общественностью в сфере заповедного дела.

Киевский Эколого- Культурный Центр

- Проектирует охраняемые природные территории (по материалам КЭКЦ создано более 170 объектов в 8 областях Украины)
- Разрабатывает карту старовозрастных лесов Украины

Создан в 1989 г.

Является благотворительной экологической организацией, состоит членом МСОП, МСОЭС, Сети спасения тайги, Украинской коалиции «За дикую природу», Украинской речной сети

Издает книги по охране природы (вышло более 110 наименований), выпускает бюллетень, «Гуманитарный экологический журнал» и журнал «Беркут» (совместно с Союзом молодых орнитологов Украины), выпускает всеукраинский электронный бюллетень «Экоclub» (совместно с Центром экологического просвещения 21 век), оказывает содействие в издании журнала «Заповідна справа в Україні» и газеты «Заповедный вестник», имеет сайт «Гуманитарная экология и экологическая этика» — www.ecoethics.ru

Исследует вопросы истории природоохраны, гуманитарной экологии, экологической этики, эстетики, теологии и этнографии, проводит международный проект «Любовь к природе», Международные школы-семинары по гуманитарной экологии «Трибуна» (организовано 10 школ-семинаров), разрабатывает вопросы природоохранной идеологии и философии

■ Организует компании в защиту заповедников и национальных парков Украины и стран СНГ

■ Занимается спасением и интродукцией в природу редких видов животных и растений (рыбец, ковыль и др.)

- Оказывает помощь экологическим организациям стран СНГ
- Является ресурсным центром украинского движения ДОП

Иропагандирует современную идею дикой природы, организует Международные конференции по дикой природе

Координирует в Украине международную акцию «Марш парков», занимается природоохранной пропагандой, экопросвещением и экообразованием

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ: Р/с 26007301901
в ГОУ ОПЕРУ Проминвестбанка г. Киева,
МФО 300012, ЗКПО 24363925

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:
02218, Украина, Киев, ул. Радужная, 31-48

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА: kekz-offic@ukr.net
kekz@carrier.kiev.ua
www.ecoethics.ru

ТЕЛ./ФАКС: (8-044) 443-5262

*Центр принимает
пожертвования
на природоохранную
деятельность
от частных лиц
и организаций*

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ШТИЛЬМАРК Феликс Робертович

Идея абсолютной заповедности

Помни праотцов — заповедного не тронь!

Серия:

ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Вып. 52. 2005, 116 стр.

Киевский эколого-культурный центр

Центр охраны дикой природы

В книге помещены работы выдающегося
российского защитника дикой природы
и классика заповедного дела, доктора биологических наук

Ф.Р. Штильмарка,

посвященные основополагающему принципу
отечественного заповедного дела —
абсолютной заповедности.

В оформлении обложки использована работа И.И. Шишкина «Дебри».

Оригинал-макет Светланы Желясковой

© Штильмарк Ф.Р., 2005

© Киевский-эколого-культурный центр, 2005

© Центр охраны дикой природы, 2005

Гр.Р. Шильмарк (02.09.1931-31.01.2005) — выдающийся защитник дикой природы, современный классик заповедного дела, доктор биологических наук. Принимал участие в создании около 20 заповедников, автор 10 книг и более 200 научных, научно-популярных и публицистических статей, дал философско-экологическое обоснование принципу абсолютной заповедности.

«И экологическая этика,
и понятие о подлинной заповедности
опирается на высшие человеческие ценности,
а не только на сугубо научные взгляды
об эталонах природы, системах ООПТ
и сохранении биоразнообразия...»

ОХРАНА ДИКОЙ

ПРИРОДЫ